

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
THE SUNDAY TIMES
«РУБИКОН»

ТОМ ХОЛЛАНД

ИСТОРИЯ ОБ ОДНОЙ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕЕ,
ПОЛНОСТЬЮ ИЗМЕНИВШЕЙ
ЗАПАДНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

ДОМИНИОН

«ПОТРАСАЮЩЕ:
СМЕЛО,
АМБИЦИОЗНО
И СТРАСТНО»

ПИТЕР
ФРАНКОПАН,
АВТОР КНИГИ
«ШЕЛКОВЫЙ
ПУТЬ»

Путешественники во времени (Эксмо)

Том Холланд

**Доминион. История об
одной революционной идее,
полностью изменившей
западное мировоззрение**

«Эксмо»

2019

УДК 94(100):27
ББК 63.3(0)+86.37

Холланд Т.

Доминион. История об одной революционной идее, полностью изменившей западное мировоззрение / Т. Холланд — «Эксмо», 2019 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-115519-3

Почти весь набор наших установок, например человеческое равенство и достоинство, забота о слабых, осуждение рабства, жестокости и угнетения, имеет чисто христианское происхождение. Том Холланд отправит нас в путешествие по истории, чтобы показать, как многовековое развитие христианской идеи оставило неизгладимый след в сегодняшнем мире и какие аспекты христианской истории лежат в основе тех самых ценностей, с которыми мы сталкиваемся каждый день. «Доминион» поместит хронику о том, как мы стали такими, какие мы есть, и почему мы думаем так, как мы думаем, – в самый широкий исторический контекст. Читатель оценит, насколько новы и сверхъестественны были христианские учения, когда они впервые появились в мире, и сможет наблюдать за развитием революционной идеи от святого Михаила до #MeToo. Том Холланд – прекрасный рассказчик. Слова, которые он сплетает воедино, увлекательны и живы. Можно подумать, что история будет скучной или однообразной, но он показывает, насколько реальность порой интереснее и удивительнее, чем вымысел. Текст книги дополняется комментариями и примечаниями научного редактора, которые особенно ценны и помогут разобраться в сложных перипетиях истории.

УДК 94(100):27
ББК 63.3(0)+86.37

ISBN 978-5-04-115519-3

© Холланд Т., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Слова благодарности	7
Предисловие	8
Древний мир	18
I. Афины	18
Обмани меня	21
Любители мудрости	26
II. Иерусалим	33
Но вы умрёте, как люди	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Том Холланд
Доминион. История об одной
революционной идее, полностью
изменившей западное мировоззрение

Tom Holland
Dominion

Copyright © Tom Holland, 2019

Фото на обложке: © Fred De Noyelle / GODONG / GettyImages.ru

© Истомин К., перевод с английского, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Памяти Деборы Джиллингем, которую я очень любил и которой мне очень не хватает

Люби – и делай что хочешь ¹.
Св. Августин

Но то, что ты выслушиваешь то или иное суждение, как голос совести, – стало быть, ощущаешь нечто как правильное, – может иметь свою причину в том, что ты никогда не размышлял о самом себе и слепо принимал то, что с детских лет внушалось тебе как правильное...²
Фридрих Ницше

Всё, что тебе нужно, – это любовь.
Джон Леннон и Пол Маккартни

---

¹ Августин, епископ Гиппонский. Рассуждения на Послание Иоанна к парфянам, 7. 8. Здесь и далее цит. по: Альманах «Альфа и Омега», 2003, № 37. – Примеч. пер.

² Фридрих Ницше. Весёлая наука, 4. 335. Пер. К. А. Свасьяна. Здесь и далее цит. по: Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. – Примеч. пер.

Слова благодарности

Я считаю своим долгом поблагодарить многих людей, оказавших мне помощь и поддержку во время работы над этой книгой. Моих замечательных редакторов Ричарда Бесуика, Лару Хеймерт и Зои Галлен. Сюзан де Суассон – за многочисленные советы и терпение. Патрика Уолша, самого лучшего литературного агента. Всех тех, кто читал фрагменты этой книги (или даже прочёл её целиком), когда она была всего лишь черновиком на экране компьютера, и тех, кто помогал, задавая вопросы: Ричарда Берда, Найджела Биггара, Пирса Брендона, Фергуса Батлера-Гелли, Пола Картледжа, Тони Кристи, Кэролайн Додс-Пеннок, Чарльза Фёрнихоу, Димитру Фими, Джона Фицпатрика, Питера Франкопана, Джудит Гардинер, Майкла Голдфарба, Джеймса Хеннама, Демиана Говарда, Лэрри Хуртадо, Кристофера Инсола, Джулию Джордан, Фрэнка Макдоно, Энтони Макгоуэна, Тима О’Нила, Шона Оливера-Ди, Гэбриела Саида Рейнолдса, Алека Райри, Майкла Снейпа, Гая Уолтерса, Кейт Уорд, Тима Уайтмарша и Тома Райта. Боба Мура, чьи книги пробудили во мне интерес к темам, которым посвящена эта, – за исключительную щедрость и готовность читать главы по мере того, как они писались. Джейме Мюира – за то, что он, как обычно, первым прочёл итоговый текст – и за то, что он остаётся моим самым надёжным другом. Кевина Слива – за то, что, потакая мне, он без усталости выслушивал меня до конца. Чарли Кемпбелла и Николаса Хогга за то, что им большими усилиями удалось возродить и без чего годы, проведённые в работе над этой книгой, были бы гораздо менее приятными³. Мою любимую жену Сэди и моих столь же любимых дочерей Кэти и Элизу. Цена им – «выше жемчугов»⁴.

---

³ По всей видимости, автор имеет в виду возрождение в 2012 г. Крикетного клуба писателей, в составе которого играл и он сам. – *Примеч. пер.*

⁴ См. Притч. 31.10. – *Примеч. пер.*

Предисловие

Лет за тридцать – сорок до Рождества Христова в Риме появился первый отапливаемый плавательный бассейн. Его соорудили на холме Эсквилин, в престижном районе сразу за древней городской стеной. Со временем эту местность облюбовали богатейшие люди той эпохи, и она наполнилась роскошными виллами и парками. Но до тех пор земля за Эсквилинскими воротами пустовала не без причины: столетиями, с самого начала истории Рима, здесь хоронили умерших. Когда строители только приступили к сооружению бассейна, в воздухе ещё витал запах трупов. Ров, бывший некогда частью прославленной оборонительной системы города, наполняли кости бедняков, тех, кому не хватило денег, чтобы упокоиться в могилах. Здесь погребались трупы рабов, «которые раб же в бедном гробу привозил за наёмную скудную плату»⁵. Стервятники, слетавшиеся сюда в таких количествах, что их называли «птицы эсквилинские»⁶, обгладывали тела до костей. Пожалуй, ни один район Рима благоустройство не преображало столь сильно. На костях возводились мраморные колоннады, журчащие фонтаны и благоухающие цветники.

Но до полного преобразования было ещё далеко. Даже спустя десятилетия после начала застройки земель за Эсквилинскими воротами там всё ещё можно было увидеть стервятников. Хищные птицы кружили над участком, именовавшимся Сессорием и использовавшимся так же, как в старые времена. Это было «место, предназначенное для казни рабов»⁷, но, в отличие от арен, где преступников казнили на потеху ликующей толпе, оно лишено было всякой изысканности. Как торговцы на рынке вывешивали на всеобщее обозрение куски мяса, так здесь провинившихся рабов приколачивали к деревянным крестам. Из далёких земель привозили драгоценные семена, чтобы украсить Эсквилин прекрасными зелёными насаждениями, но эти голые столбы напоминали о его тёмном прошлом. Не было смерти более мучительной и презренной, чем распятие. Висеть без одежды и долго страдать от ужасных ран на руках и груди⁸: хуже участи, соглашались римские мыслители, нельзя было и вообразить. Как раз поэтому распятие представлялось им подходящим наказанием для рабов. Только угрожая им столь страшной карой, можно было поддерживать в городе порядок. Процветание и величие Рима зависели, в конечном счёте, от тех, кто день за днём выполнял тяжёлую, но нужную работу. «Но после того как мы стали владеть рабами из множества племён и народов, у которых отличные от наших обычаи, которые поклоняются иноземным святыням или не чтят никаких, этот сброд не обуздать иначе, как утрашением»⁹.

И всё же, хотя римляне не сомневались, что распятие помогает поддерживать порядок в государстве, отношение к этому виду казни всегда было неоднозначным. Если целью казни было утрашение, проводить её, конечно, следовало публично. Что могло свидетельствовать о подавлении мятежа красноречивее, чем сотни трупов, прибитых к крестам, выстроенным вдоль дороги или перед воротами непокорного города, посреди вырубленных лесов? Даже в мирное время палачи превращали казнь в зрелище, расправляясь с жертвами самыми разными способами: «Одни вешают людей вниз головой, другие сажают на кол, вгоняя его в срамные места, третьи на дыбе растягивают руки»¹⁰. Но в демонстрации распятых зевакам таилось

⁵ Квинт Гораций Флакк. Сатиры, 1. 8. 8. Пер. М. Дмитриева. Цит. по: Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб., Биографический институт, Студия биографика, 1993.

⁶ Там же. Эподы, 5.100. Пер. Ф. Александрова.

⁷ Корнелий Тацит. Анналы, 15. 60. Пер. А. С. Бобовича. Здесь и далее цит. по: Корнелий Тацит. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Ладомир, 1993.

⁸ См. Луций Анней Сенека. О гневе, 1. 2. 2.

⁹ Корнелий Тацит. Анналы, 14. 44.

¹⁰ Луций Анней Сенека. Утешение к Марции, 20. 3. Пер. Б. Ерогина. Цит. по: Классики философии. Т. I. СПб., 1907.

нечто парадоксальное. Столь отвратителен был трупный дух этого бесчестия, что многие из тех, кто просто наблюдал за распятием, после чувствовали себя запятанными. Хотя римляне и привыкли к использованию этого наказания в качестве «высшей меры»¹¹, они отказывались верить, что сами первыми додумались до подобного изуверства. Только какие-нибудь жестокие варвары могли изобрести столь страшную пытку: персы, или ассирийцы, или, может быть, галлы. Всё казалось отталкивающим в приколачивании человека к кресту, который по-латински называется *сгх*, – само слово резало слух¹². Именно исключительным отвращением к распятию объясняется то, что обыкновенно эта казнь приводилась в исполнение где-нибудь в глухом месте за городскими стенами и то, что, когда разраставшийся Рим поглотил земли за пределами древних стен, там высадили самые редкие и ароматные растения мира, лишь бы замаскировать скверну. По той же причине, несмотря на широкую распространённость распятия в римском мире, об этой казни старались даже не рассуждать. Порядок, порядок, любимый богами и поддерживаемый магистратами, представляющими величайшую власть мира, значение имел порядок, а не уничтожение отбросов общества, осмелившихся на него посягать. Замученные до смерти преступники: какое дело было до них мужам благородным и образованным? Иным выпадает доля настолько низкая, такая убогая, что благоразумнее закрыть на неё глаза.

Удивляться, таким образом, следует не тому, что до нас дошло чрезвычайно мало подробных описаний казни путём распятия, а тому, что она вообще упомянута в античной литературе¹³. Тела распятых оставляли на растерзания голодным птицам, а после обыкновенно сбрасывали в общую могилу. В Италии палачи, одетые в красное, тащили трупы крюками; об их приближении предупреждал звон колокольчиков. Над телами распятых не было памятников; имена их ожидало забвение. Такова была их доля, – и из этого всеобщего молчания известно лишь одно исключение, которое подтверждает правило. До нас дошли четыре рассказа о том, как человек был приговорён к смерти на кресте, а затем казнён. Удивительно, но все они посвящены одной и той же казни, имевшей место лет через шестьдесят – семьдесят после того, как в Риме появился первый отапливаемый плавательный бассейн. Но произошло это не на Эсквилине, а на другом холме, недалеко от стен Иерусалима. Холм этот назывался Голгофа, «что значит: Лобное место»¹⁴. Казнили странствующего проповедника из захолустного городка под названием Назарет, еврея по имени Иисус, признанного виновным в преступлении против римского порядка. Четыре самых ранних свидетельства его казни, созданные несколько десятилетий спустя, подробно описывают, из чего эта казнь состояла. После приговора осуждённый был передан стражникам и подвергнут бичеванию. Поскольку он называл себя Царём Иудейским, стражники принялись осмеивать его, плевать на него и надели ему на голову терновый венец. Лишь затем, весь в крови и синяках, он отправился в последний путь. Свой крест он нёс сам, запинаясь, через весь Иерусалим – из казни сделали зрелище и предостережение для зевак – и дальше, до самой Голгофы¹⁵. Там его прибили к кресту, пронзив ему руки гвоздями, и он был распят. Когда он умер, в бок ему вонзили копье. Нет причин сомневаться в правдивости основных моментов этого описания. Даже скептически настроенные историки склонны

¹¹ См.: Марк Туллий Цицерон. Против Верреса, 2. 5. 168–169.

¹² См.: Марк Теренций Варрон, фрагмент 265.

¹³ Описания казни в античных источниках до того скудны, что Гуннар Самуэльсон в недавно вышедшей монографии делает спорный вывод, будто «до казни Иисуса определённого вида наказания под названием „распятие“ вовсе не существовало». – *Примеч. авт.*; см. Samuelsson, Gunnar: *Crucifixion in Antiquity: An Inquiry into the Background and Significance of the New Testament Terminology of Crucifixion* (Tübingen, 2013) – p. 205.

¹⁴ Мк. 15. 22. Здесь и далее цитаты из Библии и номера стихов приводятся по синодальному переводу. – *Примеч. пер.*

¹⁵ Хотя в Евангелиях говорится, что Иисус нёс крест (по-гречески – *stauros*), вероятнее всего, ему пришлось нести то, что по-латински называлось словом *patibulum* – поперечную перекладину креста. «Пусть он несёт по городу *patibulum*, а потом будет прибит к кресту». Так писал римский комедиограф Плавт за несколько веков до распятия Иисуса – *Примеч. авт.*; см. Plautus, *Carbonaria*, fr. 2.

признавать их достоверность. «Смерть Иисуса из Назарета на кресте – установленный факт, возможно, единственный установленный факт его биографии»¹⁶. Страдания его, разумеется, не были чем-то исключительным. Боль, унижение и затаенный ужас «мучительнейшей из всех родов смерти»¹⁷ выпадали в римские времена на долю многих людей.

С телами этих людей не случалось, однако, того, что произошло с телом Иисуса. Сняв с креста, его не бросили в безымянную братскую могилу. Его испросил себе богатый поклонник. Тогда тело в соответствии со всеми обычаями подготовили к погребению и положили в гробницу, закрыв вход в неё большим камнем. Во всяком случае, об этом сообщают четыре наиболее ранних описания смерти Иисуса, называемые греческим словом «Евангелия» – «благие вести»¹⁸. Эти сведения вполне правдоподобны. Данные археологии свидетельствуют, что некоторые распятые действительно удостоивались погребения в склепах за городскими стенами Иерусалима. Нечто гораздо более поразительное – если не сказать беспрецедентное – произошло, если верить тому, что передавали люди немного позже. Рассказывали, как женщины, отправившиеся навестить могилу, обнаружили, что камень, преграждавший в нее вход, отвален. Рассказывали, что Иисус на протяжении следующих сорока дней являлся своим ученикам – не в виде призрака или ожившего мертвеца, но воскресший в облике новом и славном. Рассказывали, что он вознёсся на небо и ему суждено сойти на землю вновь. Со временем его стали почитать – не просто как человека, но как Бога. Претерпев самую мучительную пытку, которую только можно представить, он победил саму смерть. «Посему и Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних...»¹⁹

Самым странным в этой истории большинству обитателей римского мира казалось отнюдь не то, что смертный стал божеством. В те времена многие народы считали границу между земным и небесным вполне преодолимой. В Египте, древнейшей из монархий, фараонам с незапамятных времён воздавали божественные почести. В Греции всем был известен «герой и бог»²⁰ Геракл, мускулистый борец с чудовищами, который, прожив жизнь, полную прекрасных подвигов, был унесён к бессмертным прямо с погребального костра. Римляне нечто подобное рассказывали о Ромуле, основателе Рима. За несколько десятилетий до распятия Иисуса провозглашать смертных богами вдруг стали гораздо чаще. Могущество Рима достигло такого размаха, что любой, кому удавалось подчинить его своей власти, мог считаться скорее богом, нежели человеком. О вознесении на небеса одного из таких властелинов, Юлия Цезаря, людям возвестила воссиявшая в небе комета. Приёмный сын Цезаря, удостоившийся почётно именованного Август, вознёсся, по свидетельству очевидцев, в виде духа, появившегося над погребальным костром, – точь-в-точь как Геракл. Даже скептики, которым сама мысль о превращении смертного в небожителя казалась нелепой, признавали ценность этой практики для государства: «...дух человеческий, питая, так сказать, самоуверенность божественного отпрыска, смелее приступал к совершению великих дел, с большей горячностью вёл их и счастливее, в силу самой уверенности, выполнял»²¹.

¹⁶ См. Vermes, Geza. *Jesus: Nativity, Passion, Resurrection* (London, 2010) – p. 181.

¹⁷ Иосиф Флавий. *Иудейская война*, 7. 6. 4. Пер. Я. Л. Чертока. Здесь и далее цит. по: Иосиф Флавий. *Иудейская война*. СПб., 1900.

¹⁸ В наиболее ранних христианских текстах, посланиях апостола Павла, также сообщается, что Иисус «погребён был». – *Примеч. авт.*; см. 1 Кор. 15. 4.

¹⁹ Флп., 2. 9–10.

²⁰ Пиндар. *Немейские песни*, 3. 22. Цит. по: Пиндар, Вакхилид. *Оды. Фрагменты*. М.: Наука, 1980.

²¹ Марк Теренций Варрон, фрагмент 20. Приводится у Августина, «О граде Божьем», 3. 4. Пер. Киевской духовной академии (современная редакция). Здесь и далее сочинение Августина «О граде Божьем» цит. по: Блаженный Августин. *Творения*. В 4 т. Т. 3 (книги 1–13). Т. 4 (книги 14–22). СПб.: Алетейя, 1998.

Божественные почести, таким образом, полагались величайшим из великих: завоевателям, героям и царям. Божества не претерпевали страдания, но способны были причинить их своим врагам: приковать их к скалам, превратить их в пауков или ослепить и распять их, покорив мир. Почитание человека, который сам был распят, не могло не восприниматься обитателями римского мира как нечто возмутительное, непристойное, гротескное. Но особенно оскорбительным оно казалось представителям одного конкретного народа – народа, к которому принадлежал сам Иисус. Евреи, в отличие от тех, кто ими правил, не верили, что человек может стать богом; они почитали лишь одного Бога, вечного и всемогущего. Его они именовали Творцом Неба и Земли, Всевышним, Господом Воинств, Господом Вселенной. Они верили, что Он повелевает царствами и может сокрушить горы, как воск. Одна мысль о том, что не у какого-то чужеземного бога, но именно у их Бога есть Сын, и Сын этот, словно раб, был замучен на кресте, приводила иудеев в смятение, а у большинства из них вызывала неприкрытое отвращение. Ничего более чуждого их строжайшему благочестию нельзя было и представить. Это было не просто богохульство, это было безумие.

Даже тех, кто признал Иисуса Христом, то есть Помазанником Божиим, неприкрытое упоминание обстоятельств его казни вводило в дрожь. Назвавшиеся христианами не хуже остальных людей того времени представляли себе ужасы распятия. Они считали, что «призваны чрез униженное и исполненное укоризны таинство креста»²². Так писал Иустин, крупнейший христианский апологет своего времени, спустя полтора века после Рождества Христова. О том, чтобы изображать такой ужас, как истязание Сына Бога Всевышнего, и речи не шло. Порой переписчики Евангелия помещали над греческим словом, обозначающим крест, схематичные пиктограммы, символизирующие распятого Христа; дальше этого не шёл никто, кроме безбожных заклинателей и насмешников. Впрочем, обитатели римского мира не видели в таких парадоксах ничего чересчур поразительного. Непостижимое должно было оставаться для людей тайной для их же блага; узревший сияние богов собственными глазами ослеп бы от его яркости. Зрелище казни Сына Бога Всевышнего никого, однако, не ослепило; и всё же христиане, благочестиво осеняя себя крестным знамением, благоговейно вслушиваясь в евангельские слова о страданиях Спасителя, кажется, были ещё не готовы лицезреть их наглядные изображения.

Лишь спустя столетия после смерти Иисуса – когда поразительным образом уже и цезари признали в нём Христа – изображать его казнь стало считаться приемлемым. К 400 г. н. э. крест перестал восприниматься как нечто постыдное. Проводить саму казнь десятилетиями ранее запретил Константин, первый римский император-христианин; наконец, римский народ увидел в распятии символ триумфа над грехом и смертью. Вырезая изображение распятия из слоновой кости, мастер мог изобразить Иисуса в набедренной повязке античного атлета, мускулистым, словно одного из языческих богов. А когда в западной части империи под натиском захватчиков-варваров власть цезарей стала ослабевать, на востоке, остававшемся оплотом римлян, крест придавал осаждённым веру в то, что победа в конце концов будет за ними. Страсти Христовы служили прежде всего напоминанием о победе Христа над злом. Именно поэтому даже на кресте он никогда не изображался страдающим от боли. Лик его выражал безмятежность. Это был лик Господа Вселенной.

Так и вышло, что в империи, жители которой никогда не переставали считать себя римлянами (хоть сегодня их и называют византийцами), мёртвое тело превратилось в символ величия. На латинском Западе спустя более чем тысячу лет после рождения Христа всё больше и больше христиан не только не отворачивались от изображений распятия, но жаждали лицезреть ужасную казнь собственными глазами. «Отчего, о душа моя, не было там тебя? Отчего

²² Мученик Иустин Философ. Разговор с Трифоном Иудеем, 131. Пер. П. Преображенского. Цит. по: Сочинения святого Иустина, философа и мученика. М., 1891.

меч острейшей боли не пронзил тебя, не способную смотреть, как копьём ранят рёбра Спасителя твоего, не желающую видеть, как гвоздями оскверняют руки и ноги Творца твоего?»²³ Эта молитва, написанная около 1070 г., обращена не только к Богу, царствующему во славе на небесах, но и к осуждённому, которым был Он в момент унижительной смерти. Её автор, выдающийся богослов из Северной Италии по имени Ансельм, был представителем знати: он вёл переписку с княгинями и общался с королями. Таков был авторитет князей Церкви, епископии, то есть «соборания», христиан. Ансельм был человеком благородным, талантливым и знаменитым. Он пользовался своим влиянием, трудясь на благо христианского мира, но высокое положение тяготило и пугало его. Узнав, что ему предстоит руководить Католической церковью в Англии, он до того расстроился, что из носа у него хлынула кровь. «Его же само слово „собственность“ привело в ужас...»²⁴ Увидев загнанного в угол зайца, он разрыдался и повелел отпустить перепуганное животное. Как бы высоко ни возносился Ансельм в мире, он помнил, что его Спаситель искупил грехи его, будучи унижен, наг и гоним. В своей молитве распятому Христу, которую переписывали и читали по всему латинскому Западу, Ансельм провозгласил нечто новое и судьбоносное, новое понимание христианского Бога, в центре которого было не Его торжество, а Его человеческое страдание.

«Это оплакивание – внезапное, шокирующее свидетельство перелома...»²⁵ Средневековые мастера изображали Иисуса искалеченным, окровавленным, умирающим. Перед нами распятый, которого узнали бы его палачи: уже не безмятежный и торжествующий, но охваченный агонией, как любой замученный раб. Но то, на что древние смотрели со смесью отвращения и презрения, у средневековых людей вызывало совсем иные чувства. Видя перед собой распятого Господа, гвозди, пронзившие сухожилия и кости ног, руки, вытянутые столь сильно, будто их оторвали от тела, голову в терновом венце, упавшую на грудь, мужчины и женщины чувствовали не презрение, но сострадание, жалость и страх. Многие христиане средневековой Европы воспринимали страдания Господа своего как отражение собственных. Ведь по-прежнему богатые попирали бедных, только вместо крестов на холмах стояли виселицы. Сама Церковь, во многом благодаря усилиям таких людей, как Ансельм, предъявила права на древнее наследие Рима – и сумела их подтвердить. И всё же, несмотря на всё это, кое-что изменилось принципиально. Ансельм перечисляет христианские добродетели: «... терпение в мучениях <...>, ударившему по щеке подставлять другую, молиться за врагов своих, любить ненавидящих...»²⁶ В основе этого списка – слова самого Иисуса. А значит, ни один христианин, даже самый грубый и бесчувственный, не мог поступать иначе, не чувствуя укоров совести. Вспоминая о Сыне Божьем, рождённом Девой, приговорённом к рабской смерти, не признанном судьями и казнённом, даже самые надменные властители начинали колебаться. Через это осознание, без которого невозможно представить средневековое христианство, в сердца их закрадывалась смутная, но страшная мысль о том, что Бог ближе к слабым, чем к могучим, к бедным, чем к богатым. Каждый нищий, каждый преступник мог оказаться Христом. «Так будут последние первыми, и первые последними...»²⁷

Римским аристократам, которые за несколько десятилетий до Рождества Христова начали украшать Эсквилинский холм мраморными строениями и цветочными клумбами, это пророчество показалось бы абсурдным. И всё же оно сбылось; и сам Рим стал ярчайшим тому свидетельством. В 1601 г. в церкви, некогда возведённой с целью изгнать из этих мест дух Нерона, особенно зловещего императора, поместили картину, напоминавшую о том, что пер-

²³ Ансельм Кентерберийский. Молитва Христу (молитва 20), 42–44. Пер. с лат. К. С. Истомина по изданию: *Patrologiae cursus completus. Series Latina*. Т. CLVIII. Lutetiae, apud J. P. Migne, 1853.

²⁴ Эадмер Кентерберийский. Житие Св. Ансельма, 1.33. Здесь и далее пер. с лат. К. С. Истомина. Оригинал: *Ibid.*

²⁵ См.: Fulton, Rachel: *From Judgment to Passion: Devotion to Christ and the Virgin Mary, 800–1200* (New York, 2002) – p. 144.

²⁶ Эадмер Кентерберийский. Житие Св. Ансельма (*De vita et conversatione...*), 1. 22.

²⁷ Мф. 20. 16.

вые римские христиане были изгоями. Художнику, молодому миланцу, известному как Караваджо, поручили изобразить распятие, но не самого Христа, а его главного ученика. Предание гласит, что Пётр, бывший, согласно Евангелиям, рыбаком, но бросивший лодку и сети, чтобы присоединиться к Иисусу, служил «смотрителем» – по-гречески епископом (*episcopos*) – в первой христианской общине Рима, пока Нерон не приговорил его к смерти. С тех пор более двухсот человек занимали епископскую кафедру Святого Петра, претендуя на главенство над всей Христианской церковью и почётное звание «отца» – по-гречески папы (*pappas*). За пятнадцать веков, минувших со смерти Петра, авторитет пап значительно ослаб; но во времена Караваджо титул этот звучал ещё весьма внушительно. Художник, однако, смотрел на пышность, блеск и богатство пап по-своему. Земное величие папства он перевернул буквально с ног на голову. По легенде, Пётр попросил распять его вниз головой: он считал себя недостойным участи своего Господа. И Караваджо изобразил палачей, переворачивающих тяжёлый крест, и прикованного к нему Петра – крестьянина, которым на самом деле и был первый римский папа. Никакому древнему мастеру не могло прийти в голову изобразить кого-то из цезарей так, как Караваджо изобразил Петра: измученным, униженным, раздетым практически догола. И всё же человека, удостоившегося такой участи, много веков спустя почитали в городе цезарей как того, кому Бог вручил «ключи Царства Небесного»²⁸. Последний в самом деле стал первым.

Связь христианской религии и породившего её мира, таким образом, парадоксальна. Христианство – это одновременно живое наследие античной цивилизации и свидетельство её коренной трансформации. Сформировавшись в результате великого взаимодействия древних традиций – персидской и иудейской, греческой и римской, – оно пережило крах империи, в которой возникло, превратившись, выражаясь словами одного исследователя-еврея, в «самую влиятельную культурную систему-гегемон в истории человечества»²⁹. В Средние века в Евразии не было ни одной цивилизации, над которой бы господствовало единое религиозное мировоззрение – за исключением латинского Запада с характерным для него вариантом христианства. В других краях, будь то в землях ислама, в Индии или в Китае, сосуществовали разные взгляды на божественное, представленные различными институтами; но в Европе, признававшей власть папства, только обособленные еврейские общины представляли альтернативу монополии Римско-католической церкви. Эта исключительная роль тщательно охранялась. Осмелившихся её оспаривать и не покаявшихся заставляли молчать, а могли и изгнать – или даже казнить. Церковь, служившая Богу, которого казнила, стояла во главе общества, метко названного «обществом преследования»³⁰. Убеждённости в том, что человека определяет его вера, свидетельствовала о ещё более глубокой трансформации мировоззрения в результате христианской революции. Христиане готовы были умереть, исповедуя свою религию, стать мучениками за веру, что казалось римским властям особенно зловещим отклонением от нормы. Но со временем отклонение подорвало это норму. Христиане Средних веков чтили мощи мучеников, а Церковь встала на страже веры. Быть человеком – значило быть христианином; быть христианином – значило верить.

В те времена Римская церковь вправе была претендовать на звание Католической, то есть Вселенской, Всеобщей, Всеобъемлющей: трудно назвать сферу жизни, на которую бы не распространялся её контроль. От заката до рассвета, зимой и летом, с момента рождения до последнего вздоха люди средневековой Европы находились под влиянием её учения, впитывая его всем своим существом. Даже когда – за сто лет до Караваджо – христианский мир начал рассыпаться, глубокая убеждённость европейцев в том, что вера их носит вселенский характер,

---

²⁸ Мф. 16. 19.

²⁹ См.: Boyarin, Daniel: *A Radical Jew: Paul and the Politics of Identity* (Berkeley & Los Angeles, 1994) – p. 9.

³⁰ Фраза, вынесенная Р. Й. Муром в заглавие его книги «Формирование общества преследования». – *Примеч. авт.*; см.: Moore, R. I.: *The Formation of a Persecuting Society: Power and Deviance in Western Europe, 950–1250*. Oxford, 1990.

никуда не исчезла. Она вдохновляла их на исследование континентов, о которых их предки не могли и мечтать, на завоевание земель, которые можно было захватить и провозгласить новой Землёй обетованной, и на проповедь в землях, захватить которые не удавалось. В Корее и на архипелаге Огненная Земля, на Аляске и в Новой Зеландии крест, на котором был распят и умер Иисус, стал символом божественного, самым известным из всех когда-либо созданных. «Ты вознегодовал на народы, погубил нечестивого, имя их изгладил на веки и веки»³¹. В 1945 г., когда пришла весть о капитуляции Японии, не Трумэн, не Черчилль, не де Голль, а лидер Китая Чан Кайши цитировал эти строки Писания и славил Христа. Даже в XXI в., несмотря на то что гегемония Запада ощутимо ослабевает, мир по-прежнему развивается, опираясь на идеи, развившиеся в Европе под влиянием христианской веры. Лишь немногие силы вроде северокорейского режима или джихадистских террористических группировок настолько противопоставляют себя Западу, что не испытывают необходимости пользоваться международной системой датировки. Она подсознательно ассоциируется у них с христианскими представлениями о Рождестве Христовом. И само время было обращено в христианство.

Как вышло, что культ, вдохновлённый казнью никому не известного нарушителя закона, жившего в давным-давно исчезнувшей империи, так сильно преобразил наш мир и продолжает оказывать на него влияние? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, как пытаюсь я в этой книге, не обязательно писать новую историю христианства. Меня интересует не его развитие в мировом масштабе, но те проистекающие из него идеи, которые распространились наиболее широко и продолжают влиять на мир сегодня. Именно поэтому, несмотря на то что я много писал о православных и древних восточных церквях и считаю связанные с ними темы исключительно интересными и увлекательными, в этой книге их история не прослеживается дальше древности. Избранная мной цель и без того достаточно амбициозна: исследовать, как мы на Западе стали теми, кто мы есть, и научились мыслить так, как мыслим сейчас. Переворот в сознании, совершившийся, когда казнившая Иисуса империя стала поклоняться ему как Богу, не исчерпал потенциала христианства как силы, способной преобразовать человеческие общества. Напротив, к моменту смерти Ансельма в 1109 г. христиане Запада уже встали на путь столь своеобразный, что сегодняшний Запад вернее будет назвать продолжением, а не прямым наследником средневекового. Разумеется, мечты о мире преображённом – Реформацией, Просвещением, революцией – не являются чем-то исключительно современным. Мечтать об этом – значит мечтать так же, как мечтали средневековые провидцы: мечтать по-христиански.

Сегодня, во времена резких геополитических сдвигов, когда становится ясно, что наши ценности отнюдь не такие всеобщие, как некоторым из нас казалось, как никогда важно осознать, насколько сильно они обусловлены нашей культурой. Жить в западной стране до сих пор значит жить в обществе, в основе которого лежат христианские идеи. И это столь же справедливо для мусульман и иудеев, как для католиков и протестантов. Спустя две тысячи лет после рождения Христа уже не обязательно верить в его Воскресение, чтобы испытывать на себе огромное, воистину неизбежное, влияние христианства. Идёт ли речь об уверенности в том, что хороший закон прежде всего должен быть в ладу с человеческой совестью, или о том, что Церковь должна быть отделена от государства, или о неприемлемости многобрачия, всюду на Западе человек сталкивается с христианскими идеями. Просто писать на эти темы на любом западном языке – значит пользоваться словами, наполненными христианскими коннотациями. «Религия», «секулярный», «атеист» – это не нейтральные термины. Все они пришли из Античности, но ныне воспринимаются через призму наследия христианства, и не обращать на это внимания – значит рисковать допустить анахронизм. Пусть скамьи в церквях и пустеют, Запад прочно держится за своё христианское прошлое.

---

³¹ Пс. 9. 6. Цитируется Раной Миттером в книге «Забытый союзник: Вторая мировая война в Китае, 1937–1945 годы». – *Примеч. авт.*; см.: Mitter, Rana. *Forgotten Ally: China's World War II, 1937–1945* (London, 2013) – p. 362.

Одних это утверждение обрадует, других – возмутит. Из всего, что унаследовано нами от Древнего мира, именно христианство оказывает на нас самое устойчивое влияние; возникновение христианства – самый важный поворотный момент в истории Запада; но для историка христианство – одна из самых сложных тем. На Западе, особенно в США, оно по-прежнему остаётся господствующей религией. В мире христианами считают себя более двух миллиардов человек – почти треть населения планеты. В отличие от культов Осириса, Зевса или Одина, вера в христианского Бога по-прежнему сильна. Жива и древняя традиция интерпретации прошлого как следствия божественного провидения. Для миллионов верующих в Иисуса Христа – Сына Божьего, Творца Неба и Земли, Его распятие – не просто историческое событие, а поворотный момент в мировой истории. Историки могут осознавать, как могущественно это миропонимание сегодня и как сильно повлияло оно на ход мировой истории, но оценка его истинности не входит в их задачу. Изучая христианство, они интересуются не тем, что оно говорит о Боге, а тем, что оно может рассказать о делах человеческих. Историки рассматривают верования, как и другие культурные и общественные феномены, как творения смертных, изменяющиеся с течением времени. Объяснять события прошлого воздействием сверхъестественных сил – значит заниматься апологетикой; занятие это почтенное, но не считающееся частью исторической науки – по крайней мере, на современном Западе.

Но так же, как к вере, историки христианства должны подходить и к сомнению. Глубоко личное отношение к истории христианства свойственно не только верующим, но порой и скептикам. В 1860 г. в ходе одного из первых публичных обсуждений недавно изданной работы Чарлза Дарвина «Происхождение видов» епископ Оксфорда высмеял теорию эволюционного происхождения человека. Сегодня стороны поменялись местами. «Поскольку все мы – люди XXI в., всех нас объединяют достаточно широко распространённые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо»³². Так утверждает Ричард Докинз, самый воинствующий атеист современного мира. В обществе, которое исповедует множество разных религий – и ни одной, заявление о том, что на Западе «достаточно широко распространённые представления о том, что такое хорошо и что такое плохо», основаны прежде всего на христианских идеях и учении, может прозвучать почти оскорбительно. Даже в Америке, где христианство остаётся влиятельной силой, гораздо более активной, чем в Европе, всё больше и больше людей смотрят на древнюю веру Запада как на нечто отжившее, наследие прежних суеверных времён. Подобно епископу Оксфорда, отказывавшемуся верить, что он мог произойти от обезьяны, многие на сегодняшнем Западе не готовы признать, что их ценности, включая даже безверие, уходят корнями в христианское вероучение.

Я утверждаю это достаточно уверенно, поскольку до недавнего времени сам признавал это весьма неохотно. Хотя в детстве мать водила меня в церковь по воскресеньям, а по вечерам я смиренно молился, мне очень рано довелось испытать то, что кажется мне теперь почти викторианским кризисом веры. Я до сих пор помню шок, который пережил, когда на занятии в воскресной школе открыл детскую Библию и обнаружил на первой странице изображение Адама и Евы рядом с брахиозавром. Как бы почтительно я ни относился к библейским историям, в одном, к моему сожалению, я был твёрдо уверен: ни один человек не мог видеть живого зауропода. То, что учитель, казалось, не придавал этой ошибке значения, возмущало и смущало меня ещё сильнее. Были ли в Эдемском саду динозавры? Учитель не знал, ему было всё равно. Тень сомнения поколебала мою уверенность в правдивости того, что учителя говорили о христианской вере.

Со временем сомнения лишь усиливались. Одержимость динозаврами – чарующими, страшными и вымершими – плавно переросла в одержимость историей древних империй.

---

³² Из передачи The Religion Report, вышедшей на ABC Radio National. См.: <http://www.abc.net.au/radionational/programs/religionreport/the-god-delusion-and-alister-e-mcgrath/3213912>.

Читая Библию, я восхищался не столько народом Израиля и Иисусом, сколько их противниками: египтянами, ассирийцами, римлянами. Точно так же, хотя я продолжал смутно верить в Бога, мне стало казаться, что боги греков – Аполлон, Афина, Дионис – были более харизматичны, чем Он. Мне нравилось, что они не давали никому законов, не объявляли другие божества демонами и вообще вели заманчивую жизнь каких-нибудь рок-звёзд. Неудивительно, что к тому моменту, как я взялся читать Эдварда Гиббона, автора великой истории заката и падения Римской империи, я готов был согласиться с его интерпретацией победы христианства: что она ознаменовала начало века «суеверий и легковерия»³³. Моё детское интуитивное восприятие христианского Бога как хмурого противника свободы и веселья подверглось рационализации. Язычество было повержено, и воцарился боженька со всевозможными приспешниками: крестоносцами, инквизиторами и пуританами в чёрных шляпах. Из мира исчезли цвет и восторг. «Галилеянин бледный, ты победил, – писал викторианский поэт Алджернон Чарльз Суинберн, вдохновившись словами, приписываемыми Юлиану Отступнику, последнему языческому императору Рима, – ты дыхнул – мир стал сер»³⁴. И я инстинктивно соглашался.

Но за последние два десятилетия мои взгляды поменялись. Свои первые работы на исторические темы я посвятил двум периодам, особенно сильно будоражившим моё воображение в детстве: временам персидских вторжений в Грецию и последним десятилетиям Римской республики. За годы, которые я провёл в компании царя Леонида и Юлия Цезаря, гоплитов, погибших при Фермопилах, и легионеров, перешедших Рубикон, мои детские впечатления лишь усилились: даже подвергнутые детальному научному анализу, Спарта и Рим не потеряли обаяния сверххищников. Как и прежде, они поражали меня – подобно большой белой акуле, тигру или тираннозавру. Но даже самые восхитительные из гигантских хищников по природе своей ужасают. Чем дольше я изучал Античность, полностью в неё погружаясь, тем более чуждой она казалась мне. Я совершенно не разделял ни ценностей Леонида, народ которого практиковал особенно жестокую форму евгеники и обучал юношей убивать по ночам высокомерных «недочеловеков», ни ценностей Цезаря, который, по некоторым свидетельствам, истребил миллион галлов, а ещё миллион поработил. Меня смущали не только и не столько масштабы жестокости, сколько полное отсутствие представлений о какой-либо самооценности бедных и слабых людей. Почему же я находил это неприемлемым? Потому что в том, что касается морали и этики, я вовсе не римлянин и не спартанец. Оттого, что в подростковом возрасте моя вера в Бога ослабла, я не перестал быть христианином. Больше тысячи лет цивилизация, к которой я принадлежу по рождению, оставалась христианской. Представления, с которыми я вырос – о том, как должно быть организовано общество и какие принципы оно должно отстаивать, – не являются наследием Античности и тем более – естественным проявлением «человеческой природы», но свидетельствуют о христианском прошлом моей цивилизации. Воздействие христианства на развитие западной цивилизации оказалось столь глубоким, что мы перестали его замечать. Ведь вспоминают о тех революциях, которые так и не достигли окончательного успеха; наследие победивших воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Задача этой книги – исследовать волны, источником которых было то, что один христианин, живший в III в. от Рождества Христова, назвал «бездной Христа»³⁵. Каким образом вера в то, что Сын единого Бога иудеев был до смерти замучен на кресте, распространилась

³³ Эдвард Гиббон. Закат и падение Римской империи. Гл. XXVIII (Т. 3). Пер. под ред. Г. Залюбовиной. Здесь и далее цит. по: Э. Гиббон. Закат и падение Римской империи. В 7 т. М.: Изд. центр «Терра», 1997.

³⁴ Алджернон Суинберн. Гимн Прозерпине. См.: Swinburne's Collected Poetical Works, 2 vols. London, William Heinemann, 1924. Vol. I, 67 73.

³⁵ Апокриф «Деяния Фомы». Деяние третье (фрагмент 31). Пер. Е. Н. Мещерской. Цит. по: Е. Н. Мещерская. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М.: Присцельс, 1997. Следует отметить, что Е. Н. Мещерская, автор перевода «Деяний Фомы» с сирийского на русский язык, считает, что слово «бездна» появилось в тексте апокрифа в результате ошибки переписчика. – *Примеч. пер.*

столь широко и господствует столь долго, что мы на Западе в большинстве своём не осознаём, насколько скандальной она когда-то казалась? Что именно сделало христианство столь разрушительной силой? Как эта сила определила мировоззрение латинского христианского мира? И почему на современном Западе, где к религии зачастую относятся скептически, многие институты – со всеми их добродетелями и пороками – остаются по сути своей христианскими?

Это – лучше ведь и не скажешь – «величайшая из когда-либо рассказанных историй».

Древний мир

І. Афины

Геллеспонт, 479 г. до н. э.

В одном из самых узких мест Геллеспонта, пролива, тянущегося от Эгейского моря до Чёрного и отделяющего Европу от Азии, от европейского берега выступает мыс, прозванный Собачьим хвостом. Здесь за 480 лет до Рождества Христова люди совершили было то, что вполне могло показаться чудом, сотворённым каким-нибудь богом. Двойной понтонный мост, протянувшийся от азиатского берега до крайней точки Собачьего хвоста, соединил два континента. Конечно, смирить морские течения столь властным образом мог лишь монарх, располагавший неограниченными ресурсами. Ксеркс, персидский царь, правил крупнейшей империей из всех, что до той поры видел мир. Бесчисленные азиатские орды, населявшие земли от Эгейского моря до Гиндукуша, были подвластны ему. Отправляясь в поход, он мог собрать войско, о котором говорили, что оно до последней капли выпивало целые реки. Едва ли кто-то из видевших, как Ксеркс переходил Геллеспонт, сомневался, что вскоре весь лежащий за проливом континент покорится царю.

Но прошёл год – и от моста не осталось и следа, как и от надежд Ксеркса на завоевание Европы. Он вторгся в Грецию, захватил Афины и сжёг их; но затем удача от царя отвернулась. Поражение на суше и на море вынудило персов отступить. Сам Ксеркс возвратился в Азию. В районе Геллеспонта, где командование было поручено наместнику Артаикту, ситуация складывалась особенно тревожно. Царь понимал, что поражение в Греции сделало его уязвимым. В самом деле, в конце лета 479 г. до н. э. вверх по Геллеспонту устремилась флотилия афинских кораблей. Когда они пришвартовались у Собачьего хвоста, Артаикт сначала забаррикадировался в ближайшем укрепленном городе, а затем после длительной осады бежал в безопасное место в сопровождении сына. Под покровом ночи они вырвались из города, но далеко убежать им не удалось. Отца и сына поймали и в цепях привели обратно на Собачий хвост. Здесь, на самом краю мыса, афиняне пригвоздили Артаикта к столбу и повесили. «А сына его на глазах Артаикта побии камнями»³⁶. Сам военачальник умирал гораздо дольше и мучительнее.

Каким именно образом палачи закрепили Артаикта на вертикальном столбе? В Афинах людей, признанных виновными в совершении самых отвратительных преступлений, казнили методом «апотимпанизма»: шею, запястья и локти прикрепляли к доске при помощи кандалов. Но у нас нет оснований предполагать, что для казни Артаикта использовалось именно такое пыточное орудие. В единственном дошедшем до нас описании его казни сказано, что он был прибит к столбу при помощи гвоздей (*passaloi*)³⁷. Уложив жертву на спину, палачи должны были пронзить этими гвоздями живую плоть, а затем вбить их глубоко в дерево. Когда столб поднимали, чтобы установить вертикально, железо гвоздей стачивало и разрушало кости. Артаикт мог смотреть на то, как его сын превращался в кровавое месиво, а мог поднять взор в небеса – и увидеть кружащихся птиц, готовых выклевать ему глаза. В конце концов, смерть должна была показаться ему избавлением.

Превратив казнь Артаикта в долгое и душераздирающее зрелище, устроенное там, где Ксеркс впервые вступил на европейскую землю, враги царя сделали однозначное заявление. Унизить слугу Великого царя означало унизить его самого. Издавна жившие в тени Персии,

---

³⁶ Геродот. История, 9. 120. Пер. Г. А. Стратановского. Цит. по: Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.

³⁷ Геродот использует слово *propassaleusantes* – «прибившие гвоздями». – *Примеч. авт.*

греки считали Персию родиной изощрённых пыток, и у них были на то основания. Они верили, что именно персы ввели обычай публично казнить преступников на столбах или на крестах, чтобы к смертельным мукам прибавилось унижение. Наказывать тех, кто посягнул на царское достоинство, нужно было не просто мучительно, но и показательно. Лет за сорок до похода Ксеркса в Грецию его отец Дарий расправился с теми, кто оспаривал его права на престол, самым наглядным из всех возможных способов. Были воздвигнуты целые леса колов, посаженные на них люди кричали и корчились, когда дерево пронзало их внутренности. «Я отрезал ему нос, уши и язык и выколол ему один глаз. Его связанным держали у моих ворот, [и] весь народ видел его»³⁸. Так хвастался Дарий, описывая в подробностях казнь особенно злостного мятежника. «Затем я посадил его на кол»³⁹.

И всё же не каждая жертва Великого царя умирала у всех на виду. С плохо скрываемым отвращением греки описывали один особенно отвратительный вид казни – скафизм (от греческого *scaphe* – лодка). Поместив жертву внутрь лодки или выдолбленного ствола, её накрывали такой же лодкой или стволом, так, что снаружи оставались только руки, стопы и голова. После этого преступника начинали насильно кормить жирной пищей. Он вынужден был лежать в собственных экскрементах и не мог отогнать жужжащих мух (чтобы привлечь их, жертву специально мазали мёдом). «В гниющих нечистотах скоро заводятся черви, которые заползают в кишки и принимают грызть живое тело»⁴⁰. К моменту смерти от плоти и внутренних органов жертвы почти ничего не оставалось. Существует достоверное свидетельство, что один человек, казнённый методом скафизма, мучился семнадцать дней, прежде чем испустить дух.

Жестокость этой казни, однако, отнюдь не была бессмысленной. Греки, обвинявшие Великого царя в деспотическом самодурстве, принимали за варварство его ответственное отношение к правосудию. С точки зрения персидского двора, варварами были как раз греки. Хотя Великий царь милостиво позволял подвластным народам жить по их собственным законам – разумеется, при условии, что они оставались ему покорны, – он никому не давал усомниться во вселенском характере его полномочий и обязанностей. «Говорит Дарий-царь: Милостью Аурамазды я – царь. Аурамазда дал мне царство»⁴¹. Величайший из богов, Мудрый господь, сотворивший небо и землю и пребывающий в кристально чистых небесах над песками и заснеженными вершинами Ирана. Его одного почитал Дарий как своего покровителя. Право судить подданных было присуждено Великому царю не смертными, но Владыкой Света. «... человека, который [был] верен мне, я вознаграждал, человека, который был вероломен, я строго наказывал. Милостью Аурамазды эти страны следовали моим законам...»⁴²

Дарий не был первым, кто уподобил власть царя власти милостивого бога. Эта идея принадлежит к числу самых древних. К западу от Ирана простирались илистые поймы двух великих рек. Эту страну греки называли Месопотамией – Междуречьем. Здесь правители городов, основанных прежде, чем возник персидский народ, привыкли благодарить богов за помощь в отправлении правосудия. За тысячу лет до Дария царь по имени Хаммурапи объявил, что боги призвали его «для водворения в стране справедливости и истребления беззаконных и злых, чтобы сильный не притеснял слабого»⁴³. Мысли о том, что служение царя народу заключается в обеспечении справедливости, суждена была долгая жизнь. Город, которым управлял Хам-

³⁸ Бехистунская надпись, столбец 2, 70–78. Пер. М. А. Дандамаева. Здесь и далее цит. по: Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). Журнал «Нева» – «Летний сад». СПб. – М., 1998.

³⁹ Там же, 78–91. Вторая строка описывает тот же способ казни, применённый к другому мятежнику. – *Примеч. авт.*

⁴⁰ Плутарх. Артаксеркс, 16. Пер. С. П. Маркиша. Цит. по: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 2. М.: Наука, 1994.

⁴¹ Бехистунская надпись, столбец 1, 11–12.

⁴² Там же, 20–24.

⁴³ Законы царя Хаммурапи. Введение. Пер. И. М. Волкова. Цит. по: Культурно-исторические памятники Древнего Востока. Вып. 1. Т-во скоропеч. А. А. Левенсон. М., 1914.

мурапи, Вавилон, считал себя столицей мира. Вавилоняне не просто выдавали желаемое за действительное. Хотя с течением веков его могущество ослабевало, величие и древность вавилонских традиций признавала, пусть и нехотя, вся Месопотамия. Даже цари Ассирии, страны к северу от Вавилона, регулярно предпринимавшей против него карательные походы вплоть до падения воинственной ассирийской державы в 612 г. до н. э., притязали на то же, на что некогда Хаммурапи. Их решения тоже окружались великолепным и устрашающим ореолом. «Слово царя, – провозглашал один из них, – столь же совершенно, как слово бога»⁴⁴.

Когда в 539 г. до н. э. персы завоевали Вавилон, как семьдесятю годами ранее вавилоняне завоевали Ассирию, боги древней столицы не замедлили приветствовать нового владельца как своего избранника. Кир, обеспечивший своему народу величие и украсивший длинный список своих побед захватом крупнейшего в мире города, благосклонно принял их покровительство. Персидский царь похвалялся, что вступил в Вавилон в ответ на их недвусмысленный зов; что восстановил храмы; что ежедневно заботился о богослужениях. Кир, искусный военачальник и столь же искусный пропагандист, поступал так вполне осознанно. Из царя никому не известного народа он превратился в правителя пёстрой державы, размером превосходившей все существовавшие до неё; ни о чём подобном монархи Ассирии и Вавилона не могли и мечтать. Но едва ли он мог претендовать на статус владыки мира, не обратившись к наследию Месопотамии. В его обширных владениях не было другой столь же древней и прославленной традиции царской власти. «...Царь Вселенной, великий царь, могучий царь, царь Вавилона...»⁴⁵: все эти титулы персидский завоеватель рад был принять.

И всё же в долгосрочной перспективе традиция Месопотамии не подходила для нужд наследников Кира. Вавилонцы, как ни льстил Кир их самолюбию, неохотно смирились с потерей независимости.

Один из мятежников, восставших против Дария, который захватил власть в Персии спустя семнадцать лет после падения Вавилона, называл себя сыном последнего вавилонского царя. Потерпев поражение в битве, этот жалкий человек и его соратники были, как и ожидалось, посажены на кол. Дарий, однако, постарался уничтожить не только самого соперника, но и его репутацию. Монументальные надписи сообщали миру о масштабах притязаний претендента. Все должны были знать, что он был самозванцем и даже вовсе не вавилонцем, а армянином по имени Араха; он «обманывал народ»⁴⁶. Из всех обвинений, которые мог предъявить перс врагу, это, безусловно, было самое страшное. Ложь, в которой обвиняли Араха, оскорбляла не только Дария, но и весь вселенский порядок. Персы верили, что творениям благого и премудрого господина Аурамазды угрожала тьма, которую они именовали *drauga* – «ложь». Сражаясь с Арахой и его приспешниками, Дарий не просто отстаивал собственные интересы. На кону стояло нечто несравненно более важное. Не истреби Дарий мерзость лжи, сияние всего доброго в мире померкло бы, отравленное её нечистотами. Восстававшие против царской власти восставали и против Мудрого господина. Они «не почитали Аурамазду»⁴⁷, а значит, выступали против мирового порядка и самой Истины. Не случайно оба эти понятия персы обозначали одним и тем же словом *Arta*. Объявив себя защитником Истины, Дарий подал пример всем, кому суждено было унаследовать его трон: «...ты, который будешь царём впоследствии, берегись крепко от лжи. Человека, который будет лжив, наказывай сурово...»⁴⁸

Так его наследники и поступали. Как и Дарий, они считали себя участниками борьбы, старой как мир и охватывающей всю вселенную. В борьбе света и тени каждому приходилось

⁴⁴ См. письмо Ашшурбанапала (Assyrian and Babylonian Letters 1221r12).

⁴⁵ Цилиндр Кира. Пер. М. А. Дандамаева. Цит. по: Хрестоматия по истории международных отношений. Сост. В. Д. Кузнецов. В 5 т. Т. 1. Благовещенск, изд-во БГПУ, 2013.

⁴⁶ Бехистунская надпись, столбец 3, 76–83.

⁴⁷ Там же, столбец 5, 14–17. В этом обвинял Дарий людей из страны Элам. – *Примеч. авт.*

⁴⁸ Там же, столбец 4, 36–40.

выбирать, на чьей он стороне. Не было ничего, на что можно было бы закрыть глаза; самые ничтожные и незначительные существа могли оказаться слугами Лжи. Черви, питавшиеся плотью преступника, приговорённого к скафизму, демонстрировали, что и он, и они в равной степени являются служителями обмана и тьмы. По той же логике варвары, обитавшие за пределами персидской державы, там, где не соблюдались законы Великого царя, служили не богам, но демонам. Это не означало, конечно, что осуждения заслуживали все иноземцы, виноватые лишь в том, что они не родились персами и ничего не знали об Аурамазде. Такой подход сочли бы абсурдным, нарушающим все общепринятые обычаи. Взяв под свою защиту вавилонские храмы, Кир указал путь, которым осознанно следовали его наследники. Разве имел смертный, даже Великий царь, право смеяться над богами других народов? И всё же как человек, которому Аурамазда поручил защищать мир от Лжи, он обязан был очищать беспокойные чужие земли от демонов так же, как свои – от мятежников. Как Араха соблазнил вавилонцев, назвавшись сыном их покойного царя, так демоны обманывали другие народы, прикидываясь богами. И перед лицом такой опасности Великому царю ничего не оставалось, кроме как покарать их.

Поэтому Дарий, взирая на земли к северу от границ его державы и зная о буйном нраве их обитателей, саков (скифов), разглядел в их дикости нечто зловещее: уязвимость для соблазнитель-демонов. «...эти саки были вероломны...»⁴⁹ – и Дарий, верный слуга Аурамазды, предпринял усилия, чтобы усмирить их. Точно так же, захватив Афины, Ксеркс приказал поджечь храмы Акрополя; и лишь затем, убедившись, что они были очищены от демонов огнём, царь разрешил возобновить жертвоприношения богам города. Могущество Великого царя было ни с чем не сравнимо. Уже благодаря громадным размерам его державы у него было больше оснований верить во вселенский характер возложенной на него миссии, чем у любого из правивших прежде монархов. Он называл свою империю тем же словом (*bumi*), что и весь мир. Афиняне распяли слугу царя близ Геллеспонта, чтобы бросить вызов притязаниям персов на земли Европы, и тем лишь подтвердили, что сами являются слугами Лжи.

Над всей материальной мощью огромной империи Великого царя, над дворцами, казармами и путевыми столбами, выставленными вдоль пыльных дорог, сияло грандиозное, исключительное тщеславие. Царство, созданное Киrom и укреплённое Дарием, было отражением небесного порядка. Сопrotивляться ему значило сопротивляться самой Истине. Никогда прежде держава, жаждавшая править всем миром, не приписывала своему натиску столь ярко выраженный этический характер. Власть Великого царя простиралась до границ Востока и Запада; казалось, что она проникала даже в потусторонний мир. «Говорит Дарий-царь: пусть будет счастье и в жизни и после смерти тому, кто почитает Аурамазду»⁵⁰. Возможно, умиравший в муках Артакт находил утешение в этой мысли.

Вне всякого сомнения, узнав о его казни, Великий царь лишь сильнее проникся презрением к афинянам. Для царя они были кем-то вроде террористов. Истина или ложь, свет или тьма, порядок или хаос – всюду людям приходилось выбирать одно из двух.

Этот взгляд на мир был обречён на бессмертие.

Обмани меня

В Афинах, разумеется, на мир смотрели несколько иначе. В 425 г. до н. э. драматург Аристофан написал комедию, демонстрирующую, какая глубокая пропасть разделяла афинян и персов. С тех пор как Ксеркс сжёг Акрополь, прошло пятьдесят четыре года. Вершину холма, очищенную от руин, теперь украшали «вечные памятники»⁵¹, свидетельствовавшие о рас-

⁴⁹ Там же, столбец 5, 20–30.

⁵⁰ Там же, столбец 5, 33–36.

⁵¹ Фукидид. История, 2. 41. Пер. Ф. Мищенко. Цит. по: Фукидид. История. СПб.: Наука, Ювента, 1999.

цвете возрождённого города. Склон холма у подножия Парфенона, самого большого и красивого из храмов, преобразивших облик Афин, каждую зиму заполняли граждане. Они спешили занять места в театре, чтобы посмотреть ежегодное драматическое представление⁵². От других ежегодных праздников Ленеи отличало то, что они были посвящены комедии, а Аристофан, несмотря на то что его карьера только начиналась, уже успел заявить о себе как о мастере этого жанра. Его дебют на Ленеях состоялся в 425 г. до н. э. Он поставил комедию «Ахарняне», высмеивая всё, чего бы ни коснулся, включая высокомерие персидского царя.

«У царя много ушей и много очей»⁵³. Грекам претензии их извечного врага на абсолютную власть не могли не показаться в высшей степени зловещими. По слухам, в Персидской империи посланные царём согладатии непрерывно следили, и «...каждый всегда держал себя среди присутствующих так, как если бы все они были царскими очами и ушами». Для насмешек Аристофана это была идеальная мишень. Актёр, игравший в «Ахарнянах» роль персидского посла, выходил на сцену в маске в виде огромного глаза. Под видом послания Великого царя он зачитывал бессмысленный набор слов. Даже имя ему дали издевательски смешное – Псевдартаб: если *arta* по-персидски значило «истина», то *pseudes* по-гречески – «ложный»⁵⁴. Шутки Аристофана всегда оказывались исключительно меткими. Самые глубокие убеждения Дария и его наследников он открыто и безжалостно поднял на смех, чтобы повеселить афинскую толпу.

Обманчивость истины: этот парадокс был хорошо знаком грекам. В горах к северо-западу от Афин в городе Дельфы располагался знаменитый оракул, но его прорицания были столь дразнящими, а его откровения столь двусмысленными и загадочными, что посылавшего их бога Аполлона прозвали Локсием – «кривым». Трудно было даже представить бога, менее похожего на Аурамазду. Узнав, что жители дальних стран интерпретируют советы своих оракулов буквально, греки-путешественники поразились: ведь пророчества Аполлона были двусмысленными по определению. В Дельфах божественное обладало исключительным правом на двусмысленность. Аполлон, бог света, которого со временем стали почитать как солнечного бога-возницу, насилывал и ослеплял смертных. Люди прославляли его целительную силу и чудесный дар музыканта – и боялись его серебряного лука и стрел, сеющих чуму. Свет, который персы считали животворной основой мира, абсолютным благом и абсолютной истиной, ассоциировался и с Аполлоном; но у греческого бога была и тёмная сторона. Как и его сестра Артемида, девственная охотница, чей лук был не менее смертоносен, Аполлон очень чувствительно относился к оскорблениям. Когда царица Ниоба похвасталась, что сыновей и дочерей у неё гораздо больше, чем у Лето, матери Артемиды и Аполлона, у которой других детей не было, боги-близнецы страшно ей отомстили. На детей Ниобы обрушился огненный дождь золотых стрел; окровавленные тела девять дней пролежали во дворце матери, прежде чем их предали земле. Сама убитая горем царица скрылась в горах. «Там, от богов превращённая в камень, страдает Ниоба»⁵⁵.

Как следовало вести себя смертным, чтобы ненароком не оскорбить этих гордых и капризных божеств? Просто держать язык за зубами, когда речь шла о матери небожителя, было, увы, недостаточно. Надлежало приносить богам жертвы и воздавать должное почтение. Бессмертным предназначались кости животных, заколотых перед белоснежными алтарями, покрытые сверкающим жиром и обожжённые благовонным пламенем. Подобные подношения

⁵² Это место начали использовать для постановки пьес в честь праздника Ленеи лет за двадцать – тридцать до дебюта Аристофана. – *Примеч. авт.*

⁵³ Ксенофонт. Киропедия, 8. 2. 12. Пер. В. Г. Боруховича и Э. Д. Фролова. Цит. по: Ксенофонт. Киропедия. М.: Наука, 1976.

⁵⁴ По другой версии, имя Псевдартаб означает «ложная мера», но эта интерпретация не кажется правдоподобной. – *Примеч. авт.*

⁵⁵ Гомер. Илиада, 24. 617. Пер. Н. И. Гнедича. Здесь и далее цит. по: Гомер. Илиада. Л.: Наука, 1990.

не гарантировали милости богов; но пренебрежение ими неминуемо вызывало их гнев. И обрушиться он мог как на каждого в отдельности, так и на всех сразу. Неудивительно, что именно ритуалы жертвоприношения спланивали общины. Мужчины и женщины, мальчики и девочки, свободные и рабы: каждому была в них уготована роль. Празднества освящались традицией и окружались тайной. Одни алтари были целиком сделаны из крови, а над другими никогда не кружили мухи. Боги были настолько ветрены, что в разных местах требовали разных подношений. В Патрах, на юге Греции, в жертву Артемиде приносили множество живых существ, от птиц до кабанов и медведей; в Бравроне, к востоку от Афин, – одежду женщин, умерших в родах; в Спарте – кровь юношей, выпоротых плетью. Конечно, когда богов было так много, а различных способов удовлетворить их требования – ещё больше, всегда сохранялся риск ненароком о чём-то забыть. Афинянин, которому было поручено систематизировать и зафиксировать в письменном виде все традиции города, обнаружил, к своему ужасу, очень много традиционных поводов для жертвоприношения, о которых забыли все. Для исправления этих ошибок, по его подсчётам, не хватило бы всей городской казны.

Горькая правда состояла для греков в том, что когда-то боги пребывали среди людей, но затем удалились; так золотой век стал железным. В глубокой древности даже Зевс, царь богов, восседающий на вершине Олимпа, радостно пирует вместе со смертными. Но всё чаще и чаще он скрывался от их взоров, принимая чужой облик, и спускался на землю лишь затем, чтобы кого-нибудь изнасиловать. То в виде золотого дождя, то в виде белого быка, то в облике лебедя он атаковал одну женщину за другой; а они рожали героев. Те вырастали исключительно могучими воинами, истребляли чудовищ в горах и в болотах, доходили до края света и, в свою очередь, становились предками целых народов: «...справедливее прежних и лучше славных героев божественный род»⁵⁶. Гибель, настигшая в конце концов род героев, была под стать его мощи: герои полегли в самой славной и страшной войне. Она длилась десять лет; когда же она закончилась и от Трои, величайшего города Азии, остались лишь дымящиеся руины, большинство победителей сами стали жертвами кораблекрушений, убийств или иных горестей. Справедливым был упрек Зевсу: «Меж всеми богами ты самый жестокий!»⁵⁷

Судьба Трои во все времена ужасала греков. Даже Ксеркс, дойдя до Геллеспонта, приказал показать ему место, на котором когда-то стоял этот город. Поэма «Илиада» была для греков не только напоминанием о героях, сражавшихся под Троей, но и окном в мир богов, популярным объяснением их деяний и взаимоотношений со смертными. О дате и месте рождения её автора велись бесконечные споры, но многие соглашались, что и в нём самом было что-то божественное. Некоторые доходили до того, что объявляли отцом Гомера речного бога, а мать – морскую нимфу; но даже те, кто считали автора «Илиады» простым смертным, преклонялись перед его талантом. Его называли «самым лучшим и божественным из поэтов»⁵⁸. Ни одна поэма не пронизана светом так, как «Илиада». Свет играет в каждой из её строк. Даже самую незначительную женщину поэт мог назвать «лилейнораменной»; даже упомянутый мимоходом мужчина становился «меднодоспешным». Царица облачалась в ослепительно сияющие одежды. Воин выходил на бой со щитом, «как ясное солнце, сияя»⁵⁹. Красота была повсюду – но всюду она напоминала о насилии.

Гореть, словно золотое пламя, уподобляться богам силой и доблестью – так, согласно «Илиаде», должен был жить человек, стремящийся к совершенству. Предполагалось, что моральное превосходство от физического неотделимо. Из сражавшихся под Троей некрасивы

⁵⁶ Гесиод. Труды и дни, 158–159. Пер. В. В. Вересаева. Цит. по: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999.

⁵⁷ Гомер. Одиссея, 24. 210. Пер. В. В. Вересаева. Цит. по: Гомер. Одиссея. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1953.

⁵⁸ Платон. Ион, 503 с. Пер. Я. М. Боровского. Цит. по: Платон. Избранные диалоги. М.: Художественная литература, 1965.

⁵⁹ Гомер. Илиада, 6. 510.

были только ничтожные; такие люди порой заслуживали насмешек или тумачков, но не были противниками, достойными героев. Самой надёжной мерой величия оказывалось состязание, гордо именовавшееся «агон». Поэтому, когда бились греки и троянцы, сами боги порой спускались с небес на поле боя: не только затем, чтобы увидеть сомкнутые шеренги воинов, блеск щитов и доспехов людей, готовых убить, но и для того, чтобы самим принять участие в сражении на стороне своих любимцев, – спускались и дрожали от нетерпения, «голубицам подобные робким»⁶⁰. По той же причине, восседая в золотых залах, боги без колебаний приносили целые города и народы в жертву своей вражде. Когда царица богов, пылая неутолимой яростью, потребовала у своего супруга отдать ей на растерзание Троию, его любимый город, Зевс отказал, и тогда Гера предложила:

Три для меня наипаче любезны ахейские града:
Аргос, холмистая Спарта и град многолюдный Микена.
Их истреби ты, когда для тебя ненавистными будут...⁶¹

Целью была победа, и цель эта оправдывала средства.

Дух яростной борьбы за первенство был одинаково присущ всем. В поэмах Гомера одно и то же слово – *euchomai* – означает и «молиться», и «хвастаться». Боги по определению благосклонно относились к агону. Редко какой храм не использовался для проведения состязаний, в которых могли принимать участие танцоры, поэты или даже ткачи. Свои небесные покровители были и у спортивных соревнований, и у конкурсов красоты. И Аристофан написал «Ахарнян», чтобы участвовать в агоне. Ленеи были праздником в честь Диониса, бога, любившего пьяные кутежи и весёлых женщин, что делало его подходящим покровителем для комедий в стиле Аристофана. Цари и вожди вроде тех, что сражались под Троей даже с богами, уже не правили в Афинах во времена знаменитого драматурга. Веком ранее в городе установилась радикально новая форма правления, предполагавшая, что власть принадлежит народу. При демократии право соревноваться на равных уже не было исключительной привилегией аристократов. Но образ жизни богов и героев в век равенства и впрямь трансформировался в нечто довольно-таки комичное. Аристофан, сам обожавший соревнования, изображал своих современников олухами, трусами и лжецами. В одной из своих комедий он осмелился даже вывести на сцену самого Диониса, переодетого рабом, который сначала обделался, испугавшись пытки, а потом подвергся бичеванию. Комедии с его участием, как в своё время и «Ахарнянам», присудили первое место.

И всё же контраст между древними песнями о богах и героях и ценностями людей, далёких от героизма, не был безобидной темой для шуток. «В жизни бессмертными нам ничего не указано точно, и неизвестен нам путь, как божеству угодить»⁶². Это упрёк, который не мог не звучать из уст больных, скорбящих или угнетённых. Непостижимые и эксцентричные боги и впрямь не устаивали их ответов на вопросы. Они редко объясняли смертным свои поступки и никогда не пытались даровать им моральный закон. Дельфийский оракул давал советы, но не инструкции по решению этических проблем: «...бог начальствует не повелительно...»⁶³. Правила, по которым жили смертные, опирались на традицию, а не на откровение. Закон зависел от обычая до такой степени, что был от него неотличим. С приходом демократии, однако, ситуация начала меняться. Право народа принимать законы стало восприниматься как основа

---

⁶⁰ Там же, 5. 778.

⁶¹ Там же, 4. 51–53.

⁶² Феогнид. Элегии, 381–382. Пер. В. В. Вересаева. Цит. по: Античная лирика (Библиотека всемирной литературы. Серия первая; т. 4). М.: Художественная литература, 1968.

⁶³ Аристотель. Евдемова этика, 1249b. Пер. Т. В. Васильевой, Т. А. Миллер, М. А. Солоповой. Цит. по: Аристотель. Евдемова этика. В восьми книгах. М.: ИФ РАН, 2005.

народовластия. «Можно ли назвать что-либо иное, кроме законов, на которых прежде всего основаны благосостояние нашего государства, его демократическое устройство и свобода?»⁶⁴ Лишь народные собрания, во время которых граждане обсуждали проблемы и голосовали как равные, считались в демократических Афинах источником легитимной власти. Какой иначе смысл в свободе?

И всё же афинян кое-что беспокоило. Подчинившись законам, созданным людьми, они рисковали однажды попасть под власть тирана: что помешало бы чересчур амбициозному гражданину изменить законодательство, чтобы положить демократии конец? Неудивительно, что афинян больше устраивали законы, будто выросшие из родной для них афинской почвы, подобно оливковым деревьям на пригородных полях, корни которых цеплялись за камни. По этой причине у афинян вошло в привычку придавать законам успокаивающий налёт старины, приписывая их авторство легендарным мудрецам. Многие, однако, верили, что закон может быть чем-то несравненно более древним, точнее настолько не принадлежащим этому миру, что его создателем нельзя назвать никого. Лет за пять до первой постановки «Ахарнян» в театре Диониса ставилась другая пьеса, мощно выразившая подобный взгляд на мир⁶⁵. Её автор Софокл, в отличие от Аристофана, не был комедиографом. В «Царе Эдипе» нет ничего шуточного. Софокл был мастером трагедии; пьесы в этом жанре основывались на древних историях о богах и героях и нередко обескураживали зрителей, но отнюдь не смешили. Падение Эдипа много раз показывали на сцене и до Софокла, но никому прежде не удавалось произвести столь мрачный эффект. Эдип был царём Фив – города, расположенного к северо-западу от Афин и афинянам ненавистного. Он убил родного отца и женился на родной матери. Брошенный ими в младенчестве и воспитанный в приёмной семье, преступления эти он совершил по неведению; но вины его это не уменьшало. Он преступил вневременные, вечные, священные законы. «Их край родной – ясный свет эфира; Олимп им отец; родил не смертного разум их»⁶⁶.

Эти законы, в отличие от законов, установленных смертными, не записывались: священным такой закон делало как раз то, что у него не было автора.

«Живёт он вечно, и никто не знает,
С каких он пор явился меж людей»⁶⁷.

Откуда люди узнавали о существовании таких законов, если их никто не записывал, и по каким признакам отличали их от человеческих – это среднестатистического гражданина не интересовало; большинство греков привыкли придерживаться двух противоположных точек зрения одновременно, и подобные сложности их не слишком смущали. Но некоторых они тяготили, в том числе и Софокла. «Царь Эдип» – не единственная пьеса о проклятии Фив в его творчестве. В трагедии «Антигона», написанной раньше «Эдипа», он изобразил окончательное падение фиванской династии. Действие начинается сразу после завершения гражданской войны. Оба сына Эдипа, сражавшиеся за власть, мертвы, их тела лежат перед стенами Фив. Но лишь одного, Этеокла, собираются похоронить надлежащим образом: на второго, Полиника, их дядя Креонт, унаследовавший трон, возложил вину за начало войны. В качестве наказания его тело оставили на растерзание собакам. Даже оплакивать предателя было запрещено под

⁶⁴ Демосфен. Против Тимократа, 5. Пер. В. Г. Боруховича. Цит. по: Демосфен. Речи: В 3 т. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994.

⁶⁵ Если верно предположение, что описание чумы, опустошающей Фивы в пьесе, вдохновлено чумой, вспыхнувшей в Афинах в 430 г. до н. э. Точная дата создания пьесы ни в одном источнике не упоминается.

⁶⁶ Софокл. Царь Эдип, 867–869. Пер. Ф. Ф. Зелинского. Цит. по: Софокл. Драмы (Литературные памятники). М.: Наука, 1990.

⁶⁷ Софокл. Антигона, 459–460. Пер. Ф. Ф. Зелинского. Цит. по: Софокл. Драмы (Литературные памятники). М.: Наука, 1990.

страхом смерти. Так решил новый царь; но, хотя указы царя имели силу закона, законным такое решение сочли не все. Антигона, дочь Эдипа, решилась пойти против дяди и устроила Полинику символические похороны, посыпав его тело песком. Когда её привели к Креонту, она презрительно объявила:

«А твой приказ – уж не такую силу
За ним я признавала, чтобы он,
Созданье человека, мог низвергнуть
Неписанный, незыблемый закон...»⁶⁸

Креонт приказал замуровать Антигону в склепе; там она и повесилась. Помолвленный с ней сын Креонта совершил самоубийство, а вслед за ним – и его мать, царица. История закончилась полным крахом. Наблюдавший за трагедией хор, казалось, подвёл итог:

«Человеку сознание долга всегда —
Благоденствия первый и высший залог.
Не дерзайте ж заветы богов преступать!»⁶⁹

На фоне краха дома Эдипа этот вывод едва ли соответствовал чудовищности утверждаемого им божественного порядка. Вряд ли, однако, когда актёры ушли со сцены, а зрители встали со своих мест, многие принялись рассуждать о явных противоречиях в ключевых представлениях греков о богах. Большинство афинян не смущало, что богов считали одновременно капризными и непреклонными, аморальными и благочестивыми, пристрастными и справедливыми. Над людьми, покидавшими театр Диониса, возвышались прекрасные памятники, украшавшие скалистый холм, среди которых был главный храм Афины – богини, давшей городу имя. Её образ – ярчайший пример парадоксальности, греческое восприятие божественного. Войдя в её храм, можно было узреть колоссальную статую богини, выполненную из золота и слоновой кости, великолепную, властную и возвышенную, символизирующую могущество афинского народа. Как и её народ, Афина славилась и мудростью, и непостоянством; как и её городу, ей милы были и ремёсла, и «войны и грохот сражений»⁷⁰. Каждый год афиняне собирались в театре под её храмом, и новые постановки, вдохновлённые старыми историями о богах, вызывали у большинства из них смех или слёзы, но не побуждали попытаться сгладить противоречия в понимании божественного. Большинство предпочитало не беспокоиться о таких вещах. Большинство в лучшем случае могло признать – и тут же забыть, – что оно немного непоследовательно в своих верованиях.

Большинство – но не все.

Любители мудрости

С тех пор как Аристофан высмеял притязания персидского царя в своих «Ахарнянах», прошло чуть больше века, а все Афины заполнили бронзовые статуи. К 307 г. до н. э. в городе их насчитывалось уже больше трёхсот: некоторые были конные, к некоторым прилагалась колесница, но все они изображали одного и того же человека. Деметрий Фалерский родился в Фалере, древнем порту Афин, и был человеком самого что ни на есть простого

---

⁶⁸ Там же, 453–456.

⁶⁹ Там же, 1348–1350.

⁷⁰ Гесиод. Теогония, 926. Пер. В. В. Вересаева. Цит. по: Эллинские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999.

происхождения, а если верить его врагам – и вовсе происходил из рабов ⁷¹. Несмотря на это, когда ему было немногим более тридцати лет, он сосредоточил в своих руках такую власть над городом, какой не обладал ни один афинянин со времён установления демократии. В юности Деметрий славился исключительной красотой, на которую афинские государственные деятели были особенно падки, и не замедлил воспользоваться этим преимуществом. Даже в зрелые годы он красил волосы в светлый цвет и обильно пользовался тушью; при этом из него вышел искусный правитель и умелый законодатель. Политика, однако, была не единственным призванием Деметрия: он считал себя представителем афинской интеллектуальной элиты, философом.

В переводе с греческого это слово буквально означает «любитель мудрости». В профессию философия превратилась лишь за несколько десятилетий до Деметрия, но корни у неё были древние ⁷². Уже более двухсот лет находились греки, которых, в отличие от большинства, не удовлетворяли представления о богах, основанные на поэмах Гомера, на местных традициях или на обычаях, связанных с жертвоприношениями. Этим мыслителям противоречия между вечными законами, предписывавшими определённые нормы поведения, и готовностью, с которой эти нормы нарушали бессмертные в «Илиаде», казались неприемлемыми. Философ Ксенофан жаловался на Гомера и прочих поэтов: «Множество дел незаконных они богам приписали: и воровство, и прелюбодеянье, обман обоюдный» ⁷³. Если бы быки умели рисовать, усмехался он, они изобразили бы богов в виде быков и коров. Но следствием подобного скептицизма, который позднее многих подтолкнёт к атеизму, тогда редко становился безбожный материализм. Совсем наоборот: философы отказывались верить в склочных и невоздержанных богов, предпочитая созерцать то поистине божественное, что находили они в мире и в себе самих. Для них постичь лежащее в основе материального мира означало в то же время понять, как должен вести себя человек. «Ибо питаются все человеческие законы единым – божественным» ⁷⁴.

Над мухами, жужжащими у липкого алтаря, над статуями богов, улыбающимися или хмурыющимися в холодных затенённых храмах, над многообразием и путаницей человеческих обычаев царил единый образец, вечный и совершенный. Его нужно было только найти. Искать его следовало не в выдумках поэтов, а в самом устройстве Вселенной. И нигде поиски, вдохновлённые этим убеждением, не принесли больше плодов, чем в Афинах. К середине IV в. до н. э., когда Деметрий Фалерский только родился, среди наиболее прославленных афинских философов утвердилось представление, что движения звёзд, кажущиеся на первый взгляд хаотичными, на самом деле подчинены неизменным геометрическим законам. Устройство мироздания было провозглашено рациональным – а значит, божественным. Прошло уже полтора столетия с тех пор, как Ксенофан заявил о существовании единого божества, никем не сотворённого и морально безупречного, управляющего всем сущим исключительно силой своего разума – «нуса». Возможно, юный Деметрий, обучаясь наукам, находил в движениях звёзд свидетельство в пользу более сложного, но не менее завораживающего представления о божестве. «Имеется нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно...» ⁷⁵ – так писал Аристотель, философ родом из Северной Греции, поселившийся в Афинах и основав-

⁷¹ Но это, как было справедливо замечено, почти наверняка «злостная сплетня». – *Примеч. авт.*; см.: Fortenbaugh, William W. and Eckart Schütrumpf (eds): *Demetrius of Phalerum: Text, Translation and Discussion* (New Brunswick, 2000) – p. 315.

⁷² Традиционно считалось, что это слово впервые употребил Пифагор; в действительности оно, по всей видимости, придумано Платоном. – *Примеч. авт.*

⁷³ Ксенофан. Приводится у Секста Эмпирика, «Против учёных», 1. 289. Пер. А. Ф. Лосева. Цит. по: Секст Эмпирик. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1976.

⁷⁴ Гераклит. Фрагмент 114. Приводится у Стобея, «Антология» III. 1. 179. Пер. В. Нилиндера. Цит. по: Гераклит Эфесский. Фрагменты. М.: Мусагет, 1910.

⁷⁵ Аристотель. Метафизика, 12. 7 (1072a). Пер. А. В. Кубицкого под ред. В. Ф. Асмуса. Цит. по: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М., 1976.

ший школу столь влиятельную, что она продолжала процветать даже после того, как в 322 г. до н. э. он умер. Аристотель учил, что в небесах, за пределами подлунного мира, доступного смертным, существуют вечные тела, послушно двигающиеся по неизменным круговым орбитам; но движения их, даже будучи совершенными, зависят, в свою очередь, от перводвигателя, который сам вечно остаётся неподвижным. «Так вот, от такого начала зависят небеса и [вся] природа»⁷⁶. Такое божество – каким бы отвлечённо-метафизическим ни казалось оно тем, кто не учился философии, – и должен был, по Аристотелю, полюбить каждый смертный. Но то, что ответит взаимностью, представлялось крайне маловероятным. Аристотель, во всяком случае, предпочёл даже не упоминать о такой возможности. Подлунный мир, не похожий на звёзды с их безукоризненной упорядоченностью и очень от них далёкий, вряд ли мог рассчитывать на внимание неподвижного перводвигателя.

Но всё же и земля, подобно небесам, управлялась его нусом, и тому обнаруживалось немало свидетельств. Аристотель как никто из философов старался разобраться в деятельности этого мирового разума, препарировав всё, до чего мог добраться. В буквальном смысле, если речь шла о моллюске-каракатице или о желудке слона: ведь даже внутренности мёртвого существа служили доказательством вечной упорядоченности мироздания. Любить мудрость, учил Аристотель, означает тренировать разум и развивать навыки, требующиеся, чтобы устанавливать законы разума. Поэтому, изучив как можно больше видов живых существ, философ не остановился на этом и принялся изучать виды устройства человеческих обществ – ведь «способен рассуждать из всех животных только человек»⁷⁷. Как всегда, Аристотель ставил перед собой задачу не просто составить каталог, но наметить контуры вселенского порядка. Это, очевидно, было необходимо. Лишь закон, пронизывающий Вселенную, равный божественному нусу, может управлять городом подобающим образом. «...А кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев совращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми»⁷⁸.

Но каждый философ, готовый взять эту идею на вооружение, сталкивался со знакомой проблемой. Как наилучшим образом организовать управление городом, если жизнь так не похожа на размеренное движение звёзд? Существовал, конечно, ряд аксиом, с которыми все готовы были согласиться. Не нужно было препарировать мир подобно Аристотелю, чтобы обнаружить то, в чём общество очевидным образом должно было подчиниться законам природы. «Он утверждал, что за три вещи благодарен судьбе: во-первых, что он человек, а не животное; во-вторых, что он мужчина, а не женщина; в-третьих, что он эллин, а не варвар»⁷⁹. Это анекдотическое высказывание было столь широко известно, что его приписывали сразу нескольким философам; и едва ли Аристотель стал бы с ним спорить. Его абсолютно устраивало, что человек превосходил все остальные описанные им 494 вида животных, что мужчина господствовал над женщиной, что варвары самой природой были предназначены для того, чтобы быть рабами греков, и он сделал логичный – пожалуй, единственно возможный – вывод: «Властвование и подчинение не только необходимы, но и полезны»⁸⁰.

И вот со дня смерти Аристотеля не прошло и десяти лет, уже правил Деметрий, следуя предписаниям своего учителя, не церемонился с народными массами. Аристотель мечтал, чтобы бразды правления попадали лишь в руки тех, кому хватило денег и времени, чтобы получить хорошее образование и вникнуть в природу вещей; его раздражала сама мысль о том, что матросы, привыкшие орудовать вёслами, а не философствовать, могут оказывать влияние на

⁷⁶ Там же, 12. 7(1072b).

⁷⁷ Аристотель. История животных, 1. 1. 18. Пер. В. П. Карпова. Цит. по: Аристотель. История животных. М.: РГГУ, 1996.

⁷⁸ Аристотель. Политика, 3. XI (1287a). Пер. С. А. Жебелева. Цит. по: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.

⁷⁹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, 1. 33. Пер. М. Л. Гаспарова. Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.

⁸⁰ Аристотель. Политика, 1. II (1254a). Пер. С. А. Жебелева. Цит. по: Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983.

государственные дела. Морская чернь, писал он, «никоим образом не должна быть причастна к гражданским правам»⁸¹. И Деметрий, хотя он и сам вырос в порту, охотно следовал этому предписанию. При нём был введён имущественный ценз, и бедняки лишились права голосовать. Созывать народные собрания прекратили, в законы внесли поправки, государственные расходы урезали. Перестав подчиняться велениям ветреной толпы, государство вступило на новый путь. Успешно завершив реформы, Деметрий отошёл от дел и переключил своё внимание на проституток и мальчиков. Чем ещё ему было заниматься? Как настоящий философ, он разработал для Афин новое государственное устройство. И отныне город, словно звёзды, не покидающие своих орбит и спокойно вращающиеся вокруг Земли, должен был жить, подчиняясь вечным и неизменным законам мироздания.

Философам этот образ наверняка понравился бы, но народным массам, не располагавшим досугом для праздных размышлений, божество Аристотеля, безразличное к нуждам людей, по-прежнему казалось безликим и бездушным. Люди, чей ум будоражили строки «Илиады», всё ещё ждали от небес чего-то чарующего. Тем временем далеко за стенами Афин вершились дела, многим представлявшиеся достойными богов. В 334 г. до н. э. Александр, правитель Македонии, царства на самом севере Греции, сам когда-то учившийся у Аристотеля, во главе большой армии переправился через Геллеспонт. Жить ему оставалось всего одиннадцать лет, но за это время он посрамил гордыню персидских царей, покорив их владения, простиравшиеся до самого Инда. Притязания, провозглашённые Дарием полтора века назад, оказались пустыми словами. Величию его династии всё же пришёл конец. Владения её после смерти Александра поделили между собой жадные македонские полководцы; богатствами её пользовались авантюристы, не испытывавшие к Аурамазде никакого почтения. «Сильный делает то, что может, а слабый уступает»⁸². Эту истину, издевательски пародировавшую закон, который в устройстве Вселенной обнаруживали философы, сформулировал веком ранее один из афинян – и Деметрий в глубине души тоже вынужден был с ней соглашаться. Его власть в конечном счёте держалась не на одобрении его сограждан, а на чужих копьях. Настоящим хозяином Афин был отнюдь не Деметрий, а его могущественный покровитель Кассандр, македонский аристократ, захвативший власть в Македонии вскоре после смерти Александра Великого и тем самым ставший владыкой всей Греции. Стоило позициям Кассандра ослабнуть, и побочным эффектом стало бы падение Деметрия.

Так в конце концов и случилось. Весной 307 г. до н. э. к Афинам приблизился большой флот; на власть в Греции предъявил претензии ещё один воинственный македонец. Вместо того чтобы принять бой, Деметрий поспешно бежал в Фивы. В порыве восторга афиняне принялись свергать его статуи и переплавлять их в ночные горшки. Но произошедшее едва ли можно было считать освобождением. Просто на смену одному Деметрию пришёл другой. Новый Деметрий, впрочем, был хотя бы героическим воином. Удалой, молодой и красивый, он даже походил чем-то на Александра. У него не было времени задерживаться в Афинах; едва покорив город, он сразу же отправился навстречу грандиозным сражениям. В историю он вошёл под славным прозвищем Полиоркет – Осаждающий; пережив Кассандра и прикончив сына своего противника, он со временем сам стал царём Македонии. Вернувшись в Афины в 295 г. до н. э., Осаждающий царь собрал горожан в театре Диониса и выступил перед ними со сцены, словно драматический актёр – или бог. Ещё через пять лет Деметрий снова посетил город, и на этот раз его претензии на статус божества приняли исключительно яркую форму. Он явился в образе Солнца, в украшенном звёздами плаще. Его приветствовали танцоры с ритуальными гигантскими фаллосами, как самого Диониса. Хор пел гимн, в котором царь провозглашался богом и спасителем:

⁸¹ Там же, 7. V. 7 (1327a).

⁸² Фукидид. История, 5. 89. Пер. Ф. Г. Мищенко. Цит. по: Фукидид. История. СПб.: Наука, Ювента, 1999.

«Иные боги далеко находятся,
К ним мольбы напрасны,
И нет их здесь, не внемлет ни один из них,
Ты – стоишь пред нами
Не каменный, не деревянный, но живой!»⁸³

Но вскоре последовало разочарование. Афинский урожай уничтожили внезапно нагрянувшие заморозки; воздвигнутый в честь Деметрия алтарь зарос болиголовом; да и сам Осаждающий царь был свергнут и закончил свои дни в 283 г. до н. э. узником другого воинственного властителя. Но, несмотря на всё это, греки по-прежнему нуждались в том, что они называли словом «парусия»: в физическом присутствии бога среди людей. Слишком долго не показывались им боги, являвшиеся когда-то на поле боя под Троей, и цари вроде Деметрия многим казались соблазнительной заменой. Не одни афиняне ощутили свою ничтожность в огромном мире, объединённом завоеваниями Александра. Потомки его военачальников царствовали в огромных городах, населённых представителями множества народов, и Афины померкли на фоне их столиц. Крупнейшая из них была основана в Египте самим Александром, который назвал её – с присущей ему скромностью – в честь себя. Последующие правители сознательно сделали из Александрии Египетской новый центр всей греческой цивилизации. Когда Деметрий Фалерский, зализывая раны, подыскивал себе новое место работы, он отправился именно в Александрию. Здесь на деньги македонского военачальника, сделавшегося фараоном, он вместе с другими учёными мужами создал библиотеку, ставшую на долгие века величайшей сокровищницей знаний в мире. Однако, хотя в Александрии были созданы наилучшие условия для разнообразных исследований, ошибочно видеть в ней всего лишь памятник философским идеям Аристотеля. Помимо уникального собрания книг, помимо роскошных залов и садов, в которых собирались учёные, чтобы каталогизировать мудрость веков, в этом городе была ещё и уникальная атмосфера, напоминающая не о холодном совершенстве звёзд, а о красочном разнообразии подлунного мира. Александрия, возникшая там, где прежде не было ничего, кроме голых камней и морских птиц, стала городом чужестранцев – это касалось и людей, и богов. На её улицах рядом со статуями Аполлона или Афины можно было увидеть изображения странных божеств с головами крокодилов или баранов. Очень скоро появились и особенные, собственно александрийские боги. Один из них, пышной шевелюрой напоминавший Зевса, а другими чертами – Осириса, египетского бога, судившего умерших, вскоре превратился в символ древнего мегаполиса. Серапис был провозглашён покровителем правящей династии, а его огромный храм Серапеон стал считаться главным храмом города. Философы, довольные содержанием, которое предоставлял им царь, готовы были внести свою лепту в почитание нового божества. Когда слепнувший Деметрий Фалерский чудесным образом исцелился, он написал благодарственный гимн Серапису, ни словом не упомянув о неподвижном перво двигателе Вселенной. Порой даже ученик Аристотеля отдавал предпочтение богу, практиковавшему индивидуальный подход.

Больше того, будучи философом, он мог поставить под сомнение ценность самих философских занятий. «Правит деяньями смертных удача, не разум»⁸⁴. Заявив так, афинский учитель Деметрия в своё время спровоцировал бурю негодования среди своих коллег. Но Деметрию сама жизнь продемонстрировала могущество Фортуны. Эта богиня, по-гречески именовавшаяся Тюхе, явила ему себя в виде самого жестокого и могущественного из божеств:

⁸³ Гермокл. На возвращение Деметрия Полиоркета, 15–19. Пер. Ю. Голубца. Цит. по: Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999.

⁸⁴ Херемон. Фрагмент 2. Приводится у Плутарха, «Об удаче». Пер. В. К. Журавлёва. Цит. по: Вестник древней истории, 2015, № 3.

«...безжалостная к нам судьба, которая всё перестраивает наперекор нашим расчётам, обличает свою мощь необычайными событиями...»⁸⁵ – писал он о ней. Неудивительно, что в эпоху, когда великие империи разрушались, а никому не известные прежде цари провозглашались богами, Судьбу стали почитать как подлинную властительницу мира. Философы, конечно, продолжали искать законы, управляющие Вселенной, но страх перед деяниями Судьбы затмевал все их попытки. Порядка в мире не наблюдалось. Деметрий, рассуждая о гибели могучей персидской державы, предрёк и македонцам неизбежное падение – и не ошибся. Новый народ предъявил претензии на мировое господство. В 167 г. до н. э. царя Македонии, потомка Деметрия Полиоркета, провели в цепях по улицам варварской столицы. Славные города были преданы огню. Множество людей продали в рабство. Бесчисленных греков постигла судьба троян. Но масштабы перемен были таковы, что объяснить их капризами богов, некогда дававших волю своим кровожадным порывам под стенами Трои, не представлялось возможным. «Начиная же с этого времени история становится как бы одним целым, события Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводятся к одному концу»⁸⁶. Поистине, превратить Римскую республику в мировую империю могла лишь такая великая богиня, как Тюхе!

Но, видимо, даже Тюхе можно было укротить. В 67 г. до н. э. на Родос прибыл самый знаменитый римский военачальник своего времени. Тщеславие Помпея Великого, как свидетельствует его прозвище, было соизмеримо с его свершениями. Он с юности привык, что им восхищались, и всегда был не прочь укрепить свою репутацию при помощи какого-нибудь пропагандистского трюка. Именно поэтому, собираясь очистить Средиземное море от пиратов, он решил сначала навестить самого прославленного философа. Посидоний, как и его гость, был знаменит во всём мире. Он был выдающимся атлетом, обедал за одним столом с головорезами-варварами и вычислил размеры Луны. Но известность среди римских аристократов он приобрёл по другой причине: именно Посидоний приравнял римские завоевания к законам мироздания. Через пятьсот лет после Дария, придерживавшегося во многом схожих взглядов на империю, Посидоний сумел убедить своих покровителей в Риме, что триумф их города не был всего лишь случайностью. Тюхе, раз за разом даровавшая победы римским легионам, наполнившая Рим рабами со всего Средиземноморья и богатствами, превосходившими царские, руководствовалась отнюдь не капризами, а тем, что один из учеников Посидония, римский оратор Цицерон, описал как «заложный в природе высший разум»⁸⁷. Рим стал сверхдержавой в соответствии с «естественным правом».

Не Посидоний изобрёл этот термин. Как и многие другие выдающиеся философы, он обучался в Афинах, и в его рассуждениях заметно влияние одной из афинских философских школ. Её основатель, Зенон, сам прибыл в Афины издалека, с Кипра, в 312 г. до н. э., когда Деметрий Фалерский был ещё у власти. Зенон проводил занятия в Расписной стое, крытой колоннаде в центре Афин, поэтому его и его последователей прозвали стоиками. Как и Аристотель, они пытались разрешить противоречие между совершенством небесного порядка, основанного на математических законах, и беспорядком подлунного мира, которым правил случай. Предложенное ими решение было столь же радикальным, сколь и изящным: они отрицали существование такого противоречия. Природа, учили стоики, была сама по себе божественной. Бог, дающий жизнь всей Вселенной, был деятельным разумом – Логосом. «Бог соединён с материей, пронизывая всю её и придавая ей [определённые] черты, и тем самым оформляя её и творя космос»⁸⁸. Жить так, как велит природа, и значило жить так, как велит Бог. Муж-

⁸⁵ Полибий. Всеобщая история, 29. 21. 5. Пер. Ф. Г. Мищенко. Цит. по: Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. В 3 т. Т. 3. М.: Издание наследников А. Г. Кузнецова, 1899.

⁸⁶ Там же, 1. 3. 4. То же изд. Т. 1.

⁸⁷ Марк Туллий Цицерон. О законах, 1. VI. 18. Пер. В. О. Горенштейна. Цит. по: Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Ладомир – Наука, 1994.

⁸⁸ Александр Афродисийский. О смешении и росте, 225. 1–2. Пер. М. А. Солоповой. Цит. по: Солопова М. А. Александр

чины и женщины, греки и варвары, свободные и рабы – все были равно наделены способностью отличать хорошее от плохого. Эту божественную искру внутри каждого смертного стоики именовали словом *syneidesis* – «сознание» или «совесть».

«Мы – порожденье твоё, и все твой образ мы носим,
Смертные все, что живём на земле и её попираем»⁸⁹.

Но присущая всем людям совесть – не единственное проявление естественного права. Если всё мироздание по природе своей божественно, значит, всё, что ни делается, всё к лучшему. Не понимавшим этого в самом деле могло показаться, что могущественной Тюхе двигали только капризы; но с точки зрения стойков, видевших во Вселенной живое существо, в котором причины всего происходящего переплетались в виде бесконечной сети, заброшенной в отдалённое будущее, ни одно из деяний богини на самом деле не было произвольным: «Если бы мог найтись такой смертный, который мог бы духом своим обозреть всю цепь причин, то он не мог бы ни в чём ошибаться. Ибо тот, кто знает причины будущих событий, тот, несомненно, знает всё, что произойдёт в будущем»⁹⁰. Так писал Цицерон, который так восхищался Посидонием, что однажды даже попросил философа написать трактат о его, Цицерона, достижениях на государственном поприще. Нетрудно понять, чем стоическое учение привлекало римских государственных деятелей. Их завоевания, их власть над миром, их богатые трофеи и захваченные ими рабы, их положение в обществе, их достоинство и слава – всё это было уготовано им судьбой.

Наверное, не стоит удивляться тому, что римские политики видели в своей империи порядок, которому суждено было стать вселенским. Не впервые грандиозные перемены подпитывали не менее впечатляющее тщеславие. Помпей, однако, не называл себя служителем света и истины. Ему чуждо было представление о мире как о поле битвы добра и зла. Храбрость, железная дисциплина, владение духом и телом – вот что сделало римлян властителями мира. От греческих философов требовалось лишь красиво сформулировать то, что римляне сами о себе думали. «Тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться»⁹¹. Так напутствовал Посидоний Помпея, отправляющегося на войну. Но и эти слова не были его собственными: он процитировал «Илиаду». Как и под стенами Трои, в мире, живущем по римскому закону, человек мог достичь совершенства, лишь затмевая себе подобных. Подняв паруса и отчалив во главе своего боевого флота, Помпей наверняка испытывал удовлетворение, сознавая, сколь неразрывно связаны были его личные амбиции и благое провидение. Всё было к лучшему. Целый мир ждал, чтобы его привели в порядок. Будущее принадлежало сильным.

Афродисийский и его трактат «О смещении и росте» в контексте истории античного аристотелизма (Исследование. Греческий текст. Перевод). М.: Наука, 2002.

⁸⁹ Клеанф. Гимн Зевсу, 4–5 (1. 537). Пер. М. Грабарь-Пассек. Цит. по: Эллинистские поэты VIII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика. М.: Ладомир, 1999.

⁹⁰ Марк Туллий Цицерон. О дивинации, 1. 127. Пер. М. И. Рижского. Цит. по: Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985.

⁹¹ Гомер. Илиада, 6. 208. Приводится у Страбона, «География», 11.16.

II. Иерусалим

Иерусалим, 63 г. до н. э.

Каменная кладка содрогнулась от резкого удара, рухнула целая башня, и в линии укреплений возникла огромная брешь. Пыль ещё не улеглась, а легионеры уже заполнили образовавшийся прорыв. Жажущие славы командиры заставляли солдат идти в наступление, карабкаясь по горам обломков. В небе над схваткой раскачивались орлы, украшавшие штандарты римской армии. Осаждённые, упорства и храбрости которых оказалось недостаточно, чтобы противостоять натиску таранов Помпея, знали, что они обречены. Многие предпочли поджечь собственные дома, чтобы не оставлять их завоевателям на разграбление; другие сбрасывались со стен. Когда резня наконец прекратилась, на улицах города остались лежать тела двенадцати тысяч местных жителей; «... римлян же пало очень немного»⁹². Помпей был крайне успешным военачальником. С тех пор как он гостил у Посидония, прошло четыре года, и за это время он очистил Средиземное море от пиратов, одолел одного за другим нескольких ближневосточных властителей и подчинил их царства Риму. И вот после трёхмесячной осады впечатляющий список его побед пополнился названием ещё одного города. Он покори́л Иерусалим.

Город этот, находившийся далеко от моря и от главных торговых путей, был во многих отношениях тем ещё захолустьем. Иудейское царство, столицей которого он являлся, считалось в лучшем случае второразрядной державой. Едва ли оно могло впечатлить Помпея, обошедшего за время своих походов почти всё Средиземноморье. И всё же в Иерусалиме было кое-что интересное. Помпей был ценителем монументальной архитектуры и интересовался всевозможной экзотикой, полагая, что известия о странных обычаях покорённых им народов прибавят ему славы. Евреи же, хотя выглядели и одевались примерно так же, как представители соседних народов, славились своим странным поведением. Они не ели свинину. Они делали своим сыновьям обрезание. Раз в семь дней они отдыхали, называя это словом «Шаббат». Но самое большое извращение заключалось в том, что они отказывались почитать богов, за исключением единственного Бога, которого они признавали своим. Предписания этого ревнивого и требовательного Бога тоже не могли не показаться грекам или римлянам исключительно диковинными. Для большинства Его почитателей во всём мире существовал лишь один настоящий храм. Иерусалимский храм, сооружённый на горе Мориа, скалистом плато в восточной части города, столетиями возвышался над столицей Иудейского царства. Закончив осаду, Помпей, разумеется, собирался его посетить.

На самом деле внимание военачальника было приковано к Храму с тех самых пор, как римские легионы узрели это сооружение, оказавшись под стенами города. Но даже когда весь Иерусалим сдался на милость победителя, защитники Храма упорно отказывались признавать его власть; и вскоре огромная скала покрылась трупами и липкой кровью. Помпей хорошо знал, что иудеи строго придерживались своих странных догм: нежелание противника сражаться в Шаббат значительно упростило задачу римским инженерам, сооружавшим осадные машины. Но вот уже и Храм был захвачен; и Помпей, приближаясь к его воротам, испытывал и уважение, и любопытство. То, что иудеи называли своего Бога варварским именем и приписывали ему непонятные заповеди, вовсе не означало, что Он не был достоин поклонения. Знаатокам разнообразных религиозных учений очевидным казалось, что Бог иудеев был «царём всех богов»⁹³,

⁹² Иосиф Флавий. Иудейские древности, 14. 4. 4. Пер. Г. Г. Генкеля. Цит. по: Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. СПб., 1900.

⁹³ Марк Теренций Варрон. Приводится у Августина, «О согласии Евангелистов», 1. 22. 30. Пер. Киевской духовной академии (современная редакция). Цит. по: Блаженный Августин. Творения. В 4 т. Т. 2. СПб.: Алетейя, 1998.

тем, кого римляне именовали Юпитером, а греки – Зевсом. Существовала древняя традиция отождествления богов, почитаемых в одной стране, с богами другой. Тысячелетиями к этой практике прибегали дипломаты; без неё не существовало бы никакого международного права. Ведь две державы могли заключить договор, лишь призвав в свидетели богов, признаваемых обеими сторонами. Обряды в разных городах были разные; но Помпей, как другие завоеватели до него, был уверен, что почитание богов скорее объединяло, чем разобщало народы. Ничто, таким образом, не мешало ему осмотреть Храм.

«Из римлян Гней Помпей первым покорил Иудею и по праву победителя вступил в иерусалимский храм»⁹⁴. Покорителя Иерусалима вряд ли беспокоило, что иудеи, чтившие святость своего Храма, не допускали в него чужаков. Чтобы захватить святилище, его солдатам пришлось штурмовать внутренний двор. Служители, совершавшие священные возлияния и возжигавшие благовония, ни на минуту не прерывали богослужений. Во время осады дважды в день, один раз утром и один раз на закате, раздавался звук храмовых труб: это был сигнал к всесожжению агнца на большом квадратном алтаре. Теперь же двор был наполнен трупами самих служителей; и уже их кровь смывала вода, льющаяся из основания алтаря. Помпей не мог не восхищаться их стойкостью перед лицом смерти; но вряд ли что-то в их ритуалах казалось ему заслуживающим особого внимания. Жертвоприношения, в конце концов, практиковались повсюду в Средиземноморье. Тайна, прославившая Храм, ожидала Помпея глубоко внутри: речь шла о комнате, которую иудеи чтили, как самое священное место в мире. Они окружали её таким почтением, что не позволяли входить внутрь никому, кроме иудейского первосвященника, да и тот пользовался этим правом лишь раз в году. Вопрос о том, что таила в себе эта «Святая святых», страшно мучил учёных греков. Посидоний, у которого всегда была наготове собственная теория, утверждал, что внутри находится золотая ослиная голова. Другие были уверены, что там хранится «статуя человека с густой бородой, сидящего на осле и держащего в руках книгу»⁹⁵. Третьи рассказывали, что туда ежегодно заточали пленного грека, которого затем целый год откармливали и, наконец, приносили в жертву и пожирали. Помпей, остановившись перед занавесом, отделявшим Святая святых от вестибюля-сокровищницы, совершенно не представлял, что ждёт его внутри.

Войдя, он не обнаружил ничего, кроме пустоты. В комнате не было ни статуи, ни какого-либо иного изображения, ни тем более откармливаемого пленника – лишь простой камень. Помпей был озадачен, и всё же увиденное явно его впечатлило. Он предпочёл не трогать сокровищ Храма. Он приказал служителям очистить помещения от следов битвы и разрешил совершить положенные жертвоприношения. Он назначил нового первосвященника. После этого он покинул город, ведя множество пленников в Рим, где его должны были встретить как героя. Иудейский поход принёс завоевателю двойное удовлетворение. Евреи потерпели сокрушительное поражение, границы их царства изменили в пользу Рима, отныне они должны были регулярно выплачивать дань. При этом к Богу их Помпей проявил необходимое уважение. Он мог считать, что выполнил свой долг не только перед Римом, но и перед мирозданием. Возвращаясь домой, Помпей вновь посетил Родос и изъявил желание ещё раз встретиться с Посидонием. Для философа великий завоеватель служил живым доказательством того, что создание мировой державы, земного отражения вечного небесного порядка, шло полным ходом. Посидоний не желал из-за приступа артрита лишиться прекрасной возможности пошеголять ораторским

⁹⁴ Корнелий Тацит. История, 5. 9. Пер. Г. С. Кнабе. Здесь и далее цит. по: Корнелий Тацит. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Ладомир, 1993.

⁹⁵ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека, 34. 2. Приводится у Фотия в «Мириобиблионе». Пер. с древнегреч. К. С. Истомина по изданию: Diodori Bibliotheca historica. Ex recensione et cum annotationibus Ludovici Dindorfii. Vol. V. Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1868.

мастерством и произнёс речь, прямо лёжа в постели. Смысл множества громких фраз сводился к единственной идее: «Нет блага, кроме чести»⁹⁶.

Нетрудно догадаться, что в Иерусалиме на завоевания Помпея смотрели совершенно по-другому. Пытаясь осмыслить падение своего города, иудеи не обращались к философии. Испытывая боль и недоумение, они обращались к своему Богу:

«Возгордился грешник, стенобитным орудием сокрушил стены крепкие, и Ты не воспрепятствовал.

*Взошли к жертвеннику Твоему народы чуждые, попирали сандалиями своими в надменности...»*⁹⁷

Этот стон отчаяния, обращённый к Богу, позволившему захватчикам взять штурмом свой дом и осквернить Святая святых, у Помпея вряд ли когда-нибудь получилось бы заглушить. То, что он, как ему казалось, проявил уважение к Богу иудеев, на большинство из них не произвело нужного впечатления. Попытка приравнять Храм к капищам языческих богов сама по себе считалась у них чем-то неопишимо оскорбительным. Если бы человек, которого Помпей сделал новым первосвященником, мог разговаривать со своим покровителем на равных, он, возможно, попробовал бы объяснить римлянину, что существует лишь один Бог, а Храм является слепком сотворённого Им, и только Им, мира. Одежды первосвященника были отражением мироздания, а его действия во время богослужения – отзвуком божественного акта творения, совершившегося в начале времён. На челе его была закреплена золотая пластинка с грозной надписью – именем самого Бога, которое, по священному обычаю, разрешено было произносить только первосвященнику и только один раз в году, когда он входил в Святая святых. Осквернить Храм – значило осквернить саму Вселенную. Как и Посидоний, иудеи признавали, что эхо римских завоеваний прокатилось до самых небес.

«Одерживающий верх неминуемо становится законодателем и устанавливает, что хочет»⁹⁸. Этот принцип Помпей, низлагавший царей и перекраивавший границы, воспринимал как нечто само собой разумеющееся. Но евреи, не желавшие покоряться земной власти, претендовали на статус, на который не могла рассчитывать ни одна империя, даже такая могучая, как Рим. Когда-то, многими веками ранее, ещё до основания Трои, в дни юности Вавилона, в Месопотамии жил человек по имени Аврам. Там, учили иудейские книжники, на него снизошло великое озарение. Он понял: идолы – всего лишь раскрашенные изображения из дерева и камня; существует лишь один Бог, не имеющий себе равных, неосязаемый и всемогущий. Чтобы не оставаться в городе, осквернённом идолопоклонством, Аврам покинул дом и со своей женой, домочадцами и слугами отправился в землю, которую позднее стали называть Иудеей, а тогда именовали Ханааном. Всё это было частью божественного замысла. Явившись Авраму, Бог пообещал ему, что его жена, несмотря на преклонный возраст, родит ему сына, чьи потомки однажды унаследуют Ханаан, Землю обетованную. В знак этого Бог дал Авраму новое имя – Авраам – и заповедал, чтобы он и все его потомки мужского пола были обрезаны. Авраам, послушно исполнявший все повеления Господа, сделал, как ему было сказано; и когда Бог в самом деле наградил его сыном Исааком, а затем повелел отвести мальчика на гору и принести в жертву – «сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь»⁹⁹, – Авраам продемонстрировал покорность. Но в последний момент, когда Авраам уже потянулся за ножом, ангел воззвал к нему с небес, запретив поднимать руку на сына. И Авраам, увидев овна, запутавшегося в чаще, взял животное и принёс его в жертву на алтаре. И поскольку

⁹⁶ Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы, 2. 61. Пер. М. Л. Гаспарова. Цит. по: Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1975.

⁹⁷ Псалмы Соломона, 2. 1–2. Пер. А. В. Смирнова. Здесь и далее цит. по: Ветхозаветные апокрифы. СПб.: Амфора, 2016.

⁹⁸ Дион Кассий. Римская история, 37. 6. 1. Пер. с древнегреч. К. С. Истомина по изданию: Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Cum annotationibus Ludovici Dindorfii. Vol. I. Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1863.

⁹⁹ Быт. 22. 2.

Авраам был готов пожертвовать самым дорогим из того, что имел, Бог вновь пообещал ему потомство, многочисленное, как звёзды на небе; «и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего»¹⁰⁰.

Где же произошло это судьбоносное событие? Много веков спустя, когда потомки Авраама поселились в Земле обетованной и назвали её Израилем, на месте, где едва не окончилась жизнь Исаака, вновь появился ангел; и местом этим, если верить записям иудейских книжников, была именно гора Мориа. Здесь соединилось всё: прошлое и будущее, земное и небесное, усилия людей и божественное присутствие. Иерусалим перешёл под власть евреев незадолго до явления ангела. Город захватил Давид, уроженец небольшого поселения Вифлеем, в юности пасший овец и игравший на арфе, а позднее ставший царём всего Израиля. И вот, когда Давид провозгласил Иерусалим своей столицей, ангел спустился, чтобы «указать ему место для алтаря»¹⁰¹. Самому Давиду Бог запретил приступать к строительству Храма; но при его сыне Соломоне – царе столь богатом и мудром, что его имя навсегда стало для иудеев синонимом великолепия, – гора Мориа прославилась как «гора дома Господня»¹⁰². Когда Храм был построен, сам Соломон поместил в Святая святых величайшее сокровище еврейского народа: позолоченный сундук, или Ковчег, изготовленный в точном соответствии с указаниями самого Бога и служивший свидетельством Его пребывания на земле. Именно в этом заключалась слава Израиля: его Храм был воистину домом Господа Бога.

Но такая слава не давалась даром; её следовало заслужить. Обязанность, возложенная Богом на Его народ, – почитать Его подобающим образом – была подкреплена предостережением: «Вот, я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие: благословение, если слушаете заповедей Господа, Бога вашего, которые я заповедую вам сегодня, а проклятие, если не слушаете заповедей Господа, Бога вашего...»¹⁰³ После строительства Соломоном Храма народ раз за разом уклонялся от правильного пути, и плоды четырёх веков неповиновения оказались весьма горькими. Сначала ассирийцы захватили северную часть Земли обетованной: из двенадцати колен, то есть племён, Израилевых десять были угнаны в рабство и сгинули в пасти Месопотамии. Даже когда в 612 г. до н. э. Ассирия пала под натиском Вавилона, никто из них не вернулся. В 587 г. до н. э. настал черёд Иудеи, царства, названного по имени четвёртого сына Израилева, и её столицы Иерусалима. Вавилонский царь взял город приступом «и сжёг дом Господень, и дом царя, и все дома в Иерусалиме, и все дома большие сожгёт огнём»¹⁰⁴. Ничего не сохранилось от Храма Соломона: ни кипарисовых досок, ни позолоченных ворот, ни медных колонн, украшенных орнаментом в виде гранатовых яблок. Остались лишь поросшие бурьяном руины. Когда же, в свой черёд, пал Вавилон, и держава его перешла к воинственным персам, и Кир позволил восстановить Храм, на горе Мориа возникло святилище, казавшееся лишь бледной тенью прежнего: «Кто остался между вами, который видел этот дом в прежней его славе, и каким видите вы его теперь? Не есть ли он в глазах ваших как бы ничто?»¹⁰⁵ Самым суровым напоминанием о потерянной славе стала Святая святых. Ковчега, на который некогда в облаке непроницаемой темноты сходила слава Самого Бога, больше в ней не было. Войдя

¹⁰⁰ Там же, 22. 18.

¹⁰¹ Евполем. «О царях Иудеи». Приводится у Евсевия Кесарийского, «Приготовление к Евангелию», 9. 30. 6. [пер. с древнегреч. К. С. Истомина по изданию: Eusebii Caesariensis Opera – Lipsiae, in aedibus V. G. Teubneri, 1867]. Евполем – иудей, живший за век до взятия Помпеем Иерусалима и писавший по-гречески. Его цитирует Исаак Калими в статье «Земля Мориа, гора Мориа и местоположение Храма Соломона в библейской историографии». – *Примеч. авт.*; см.: Kalimi, Isaac: The Land of Moriah, Mount Moriah, and the Site of Solomon's Temple in Biblical Historiography (Harvard Theological Review 83, 1990) – p. 352.

¹⁰² Ис. 2. 2.

¹⁰³ Втор. 11. 26–28.

¹⁰⁴ 4 Цар. 25. 9.

¹⁰⁵ Агг. 2. 3.

туда, Помпей увидел лишь простой, лишённый каких-либо украшений камень, обозначавший место, на котором когда-то стояла святыня.

И вот теперь иноземные захватчики осквернили гору Мориа снова. Хотя новый перво-священник и его прислужники пытались очистить её от следов римского присутствия и возобновить привычные богослужения, находились иудеи, с презрением взиравшие на их попытки. Зачем Бог позволил завоевателю-чужаку преступить порог Святая святых, если не затем, чтобы показать, как гневается Он на её хранителей? Тем, кто осуждал служителей храма, причина этой кары была ясна: «За то, что сыны Иерусалимские осквернили святыни Господни, принесли дары Богу в нечестии»¹⁰⁶. Как прежде, в дни ассирийского и вавилонского нашествий появлялись люди, которых иудеи называли «невиим» – «пророки», призывавшие соотечественников встать на путь истинный, чтобы избежать истребления, так и теперь, во времена завоеваний Помпея, находились иудеи, в схожей форме выражавшие разочарование в иерархах Храма. «Так как ты ограбил многие народы, то и тебя ограбят все остальные народы...»¹⁰⁷ Моралисты, убеждённые, что Бог гневается на иерусалимских священнослужителей, не замедлили припомнить это пророчество, изречённое несколькими веками ранее и адресованное их предшественникам. То, что Помпей пощадил сокровища Храма, не означало, что в будущем его не разграбят солдаты какого-нибудь другого римского полководца. «Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков; скачет в разные стороны конница его; издали приходят всадники его, прилетают как орёл, бросающийся на добычу»¹⁰⁸. Только покаившись в своей алчности, в жажде золота, стекавшегося к ним со всего мира, служители Храма могли рассчитывать на спасение. Иначе суд Божий не замедлит свершиться: «Их богатство вместе с их добычей будет отдано в руки воинства киттиев»¹⁰⁹.

Большинство иудеев, правда, отнюдь не разочаровались в Храме и его служителях. Свидетельством этого и служили огромные богатства, хранившиеся на горе Мориа. Как справедливо отмечали критики священнослужителей, подношения в Храм поступали не только из всей Иудеи, но и из всего цивилизованного мира. За пределами Земли обетованной обитало гораздо больше иудеев, чем в ней самой. И для большинства из них Храм, как и прежде, оставался главным центром иудейства. И всё же существовали и иные центры; в противном случае евреи, покинувшие Землю обетованную, едва ли смогли бы сохранить иудейскую веру на чужбине. Следствием удалённости от Храма с его ритуалами и жертвоприношениями стало бы размывание и постепенное исчезновение еврейской идентичности. Но, хотя во время каждого из трёх ежегодных праздников в Иерусалим съезжались паломники, в действительности иудеям не требовалось ехать так далеко, чтобы ощутить присутствие Бога. Достаточно было посетить один из многочисленных молитвенных домов, которые создавались всюду, где поселялись евреи. Дома эти называли домами собрания, по-гречески – синагогами. Здесь мальчиков учили читать, а взрослые всю жизнь обучались толкованию особых текстов. Тексты эти, с любовью переписанные на пергаментные свитки, хранились, когда никто с ними не работал, в футлярах, напомиавших давно утраченный Ковчег: это было явным свидетельством их святости. У других народов тоже были тексты, якобы полученные ими от богов, но ни к одному из них не было приковано такое внимание, ни один из них не значил так много для самосознания целого народа, как собрание книг, которые евреи почитали как своё Священное Писание.

Они называли его словом «Тора» – «учение». Пять из них описывают первоначальный замысел Бога: от сотворения мира до прибытия к границам земли Ханаан потомков Авраама,

¹⁰⁶ «Псалмы Соломона», 2. 3.

¹⁰⁷ Авв. 2. 8.

¹⁰⁸ Там же, 1. 8.

¹⁰⁹ Кумранское толкование на книгу пророка Аввакума. Пер. И. Д. Амусина. Цит. по: Протоиерей Геннадий Фаст. Толкование на книгу пророка Аввакума, или Опыт библейской теодицеи. К.: Богуславкнига, 2014. Под киттиями имеются в виду римляне. – *Примеч. пер.*

много странствовавших, много претерпевших и готовых, наконец, предъявить права на своё наследие. На этом, однако, история не заканчивалась. Иудеи объявили священными и многие другие тексты. Среди них исторические хроники, в подробностях описывающие всё от завоевания Ханаана до разрушения и восстановления Храма; записи пророчеств, изречённых людьми, ощутившими в себе пламя Божьего слова; книги мудрых мыслей, рассказы о выдающихся мужчинах и женщинах и поэтический сборник, известный как Псалтирь. Эти разнообразные тексты, создававшиеся множеством разных людей на протяжении многих лет, придавали евреям, покинувшим Землю обетованную, столь необходимую им уверенность в том, что, живя среди чужаков, они оставались полноценными иудеями, – даже несмотря на то, что через три века после походов Александра большинство из них говорили не на родном языке, а по-гречески. Не прошло и семидесяти лет с тех пор, как умер основатель Александрии, а его город заполнили евреи, с трудом понимавшие иврит – язык большей части священных текстов иудаизма. Перевести эти тексты на греческий решил, по легенде, не кто иной, как Деметрий Фалерский. Стремясь пополнить великую Александрийскую библиотеку, он пригласил семьдесят два переводчика из Иерусалима. Прибыв в Александрию, они принялись усердно работать, начав с перевода самого важного текста: пяти первых свитков, или Пятикнижия (по-гречески *pentateuchos*)¹¹⁰. Вскоре последовали остальные писания. Деметрий – что, впрочем, маловероятно – признал, что «это законодательство, как божественное, чисто и исполнено мудрости»¹¹¹. Грекоязычные иудеи называли эти книги *ta biblia ta hagia* – не простыми, а «священными книгами»¹¹².

Едва заметная, но судьбоносная ирония кроется в том, что писания, собранные и переведённые книжниками, отводившими центральную роль в иудейской религии Иерусалиму, послужили цели, которую не могли предусмотреть их редакторы. Для александрийских евреев Библия стала святыней, едва ли не равной Храму. Везде, где находился писец, готовый переписать её строки на пергамент, ученик, способный выучить их наизусть, или учитель, умеющий их толковать, утверждалась её святость и её вечная, неуничтожимая природа. Этот монумент нельзя было просто взять приступом; его, в отличие от творений из камня и дерева, не могла уничтожить даже армия захватчиков. Где бы ни поселились евреи, их Писание всегда оставалось при них. Иудеи Александрии и Рима, как бы далеко ни жили они от Храма, знали, что их книги, особенно Тора, приведут их к божественному вернее, чем какой бы то ни было идол. «Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?»¹¹³

Пусть римляне властвовали над миром, греки – занимались своей философией, а персы – верили в то, что им удалось познать суть Истины и Порядка; все они заблуждались. Мир был покрыт тьмой, народы пребывали во мраке. Лишь однажды воссиял над ними Господь, Бог Израиля, и слава Его явилась бы над ними, если бы они пришли к свету, и цари их – к восходящему сиянию¹¹⁴.

Ибо не существовало никаких богов, кроме Него.

---

¹¹⁰ Возможно, на структуру еврейского Священного Писания – того, что иудеи сегодня именуют Танахом, а христиане – Ветхим Заветом, – повлияло то, как вошедшие в него книги были первоначально расположены в каталоге Александрийской библиотеки. – *Примеч. авт.*

¹¹¹ Письмо Аристея Филократу. Пер. В. Ф. Иваницкого. В. Ф. Иваницкий. Письмо Аристея к Филократу (введение, пер. и комментарии). Труды Киевской духовной академии, 1916, II.

¹¹² На этом этапе собрание иудейских священных текстов всё ещё отличалось от знакомого сегодняшним иудеям Танаха. Сочетание *ta biblia ta hagia* впервые встречается в Первой книге Маккавейской, 1 Мак. 12. 9. – *Примеч. авт.*

¹¹³ Втор. 4. 7.

¹¹⁴ См. Ис. 60. 2. – *Примеч. пер.*

Но вы умрёте, как человеки

До захвата Помпеем Иерусалима оставалось более пятисот лет, когда вавилоняне, срывая с землёй Первый Храм, переселили всех знатных людей завоёванного ими царства в Вавилон. Люди эти не могли себе и вообразить столь громадного города; а его храмы, среди которых им пришлось поселиться, были столь высоки, что казалось, будто они упираются в небосвод. Величайший из них назывался Эсагила; вавилоняне почитали его как древнейшее строение в мире и как саму ось Вселенной. Не смертные воздвигли эту потрясающую твердыню, но боги, и она служила дворцом Мардука, царя небес. Внутри находились статуи, созданные самим Мардуком, и могучий лук: «вечное напоминание»¹¹⁵ о победе, одержанной богом в начале времён. Вавилоняне утверждали, что Мардук сразил громадного дракона, чудовище бурного океана, разорвав его тело надвое стрелами и создав из этих двух частей небо и землю. Затем, чтобы избавить богов от бесконечных трудов, Мардук совершил ещё один акт творения. «Воистину я сотворю человеков. Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули»¹¹⁶, – объявил он. Люди были созданы из праха и крови, чтобы трудиться.

Евреям, изгнанным из Иерусалима, ошеломлённым поражением и ощущавшим свою ничтожность в сравнении с громадой Вавилона, нетрудно было согласиться с этим мрачным представлением о предназначении человека. Но они не соглашались. Они не опустились до почитания Мардука, но твёрдо уверовали, что именно их Бог сотворил людей. В историях, которые рассказывали изгнанники, положение людей, мужчины и женщины, было исключительным. Только их Бог сотворил по своему образу и подобию; только им была дарована власть над всеми живыми существами; только они были созданы на шестой день творения, уже после самого неба, земли и всего, что их наполняет. Люди обладали достоинством, как и Бог, которому, в отличие от Мардука, не нужно было сражаться с морским чудовищем, чтобы приступить к сотворению мира: Он создал всё сущее один, без чьей-либо помощи. Его служители, изгнанные из разрушенного Иерусалима, находили в этой истории столь необходимое им утешение: Тот, Кому они поклонялись, по-прежнему царствовал над всем. Версии этой истории передавались из поколения в поколение. Когда их свели воедино, записав на пергаменте единственный окончательный текст, именно она стала первой в Торе. Величие Мардука давно обратилось в прах, а книгу, которой люди, переводившие её на греческий, дали греческое название Genesis¹¹⁷, по-прежнему переписывали, изучали и чтити. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма»¹¹⁸.

Но иудеи, придерживаясь таких представлений о Боге и пытаясь осмыслить несчастья, постоянно обрушивавшиеся на них в результате нападений различных завоевателей, сталкивались с проблемой. Если Бог создал хороший мир, почему Он позволил всему этому произойти? Прежде чем под стены Храма явился Помпей, иудейские книжники нашли на этот вопрос ответ, и довольно безрадостный. Вся история человечества – это история неповиновения человека Богу. Создав мужчину и женщину, Бог дал им сад Эдем, наполненный всевозможными экзотическими растениями, и разрешил вкушать плоды всякого дерева, за исключением одного. То было «дерево познания добра и зла»¹¹⁹. Но первая женщина, Ева, поддалась

¹¹⁵ См. «Энума Элиш», таблица 5, строка 76. В сокращённых переводах памятника на русский язык этот фрагмент опущен. – *Примеч. пер.*

¹¹⁶ Энума Элиш. Таблица 6, строки 7–8. Пер. В. К. Афанасьевой. Цит. по: Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М.: Алетейя, 2000.

¹¹⁷ В русской традиции – Книга Бытия. – *Примеч. пер.*

¹¹⁸ Быт. 1. 31.

¹¹⁹ Там же, 2. 9. Хотя в дальнейшем Бог выражает беспокойство, что Адам и Ева могут вкушать плод другого дерева, «дерева жизни», Он не запрещает им этого явным образом. – *Примеч. пер.*

искушению змея и отведала плод этого дерева; а первый мужчина, Адам, взял у неё этот плод – и тоже отведал. В наказание Бог изгнал их из Эдема и проклял, объявив, что с этих пор женщины обречены рожать в муках, а мужчины – трудом добывать себе пропитание и умирать. Приговор был суров, но человек вскоре пал ещё ниже. После изгнания из Эдема Ева родила Адаму двух сыновей; и старший из них, Каин, убил младшего, Авеля. С этого момента жестокость стала для человечества чем-то вроде хронической болезни: кровь никогда не прекращала заливать землю. Иудейские книжники, составляя утомительные перечни преступлений людей, начиная с самых древних, не могли не задаваться вопросом, в чём – или в ком – кроется корень этой поразительной способности творить зло. За век до взятия Иерусалима Помпеем еврейский мудрец по имени Иисус Бен-Сирах пришёл к логичному и губительному выводу. «От жены начало греха, и чрез неё все мы умираем»¹²⁰.

В этой склонности к неповиновению, врождённой предрасположенности к нарушению заповедей Бога заключалась для иудеев особая проблема. В конце концов, из всех народов мира им одним была дарована Его особая благосклонность. Они, в отличие от остальных, не забыли Создателя мира. Бог, пребывавший с Адамом и Евой в Эдеме, являлся их предкам, и отдал им во владение Ханаан, и сотворил ради них множество чудес. Всё это было известно каждому еврею. Всё это было записано в свитках, составлявших основу иудейской идентичности, об этом можно было прочесть в любой синагоге. Но в Писании говорилось не только о покорности, но и о бунте; не только о верности Богу, но и о служении падших идолам. Предания о завоевании Ханаана описывали землю, полную алтарей, которые следовало разрушить, и святилищ, которые требовалось разграбить. Но даже подвергаясь разрушениям, эти ужасные капища соблазняли людей. Даже дарованная Израилю Земля обетованная не удержала его от идолопоклонства. Многие «избрали новых богов»¹²¹. Книга за книгой история повторялась: отступничество, наказание, покаяние. Иудеи, читая о том, как их предков искушали боги других народов – хананеев, сирийцев, финикийцев, – узнавали и то, какая главная кара в конце концов постигала отступников: порабощение народа Израиля, разграбление Иерусалима, уничтожение Храма. Эти травмы не давали покоя каждому иудею. Почему Бог позволил всему этому случиться? По окончании вавилонского плена именно этот вопрос сильнее, чем что бы то ни было, вдохновлял составителей иудейского Писания. Читатели свитков, содержащих историю их народа, сознавали, какой расплаты следует им ожидать, если они когда-либо вновь отступятся от Бога; но в Писании наряду с предостережением они обнаруживали и надежду. Даже если Иерусалим вновь будет разрушен и евреи снова будут рассеяны по всем концам земли, а на их поля обрушится дождь из соли и серы, любовь Бога пребудет вечно. Покаяние, как это было всегда, принесёт им прощение.

«... Тогда Господь Бог твой возвратит пленных твоих и умилосердится над тобою, и опять соберёт тебя от всех народов, между которыми рассеет тебя Господь Бог твой»¹²².

Этот Бог, требовательный, эмоциональный и непостоянный, отличался от всех прочих богов. Аполлон покровительствовал троянцам, а Гера – грекам, но ни об одном народе ни один бог не заботился столь ревниво, как Бог Израиля – о евреях. Он был мудрым, но своенравным; всемогущим, но ранимым; последовательным, но угрожающе непредсказуемым. Тщательно обдумывая свидетельства Писаний, иудеи никогда не сомневались, что человека и Бога могут связывать глубоко личные отношения; но главной особенностью Его яркой индивидуальности было именно обилие противоречий. Он был воителем, чей гнев обращал в бегство армии, уничтожал города и направлял истребление целых народов; и Он же поднимал бедного из праха

¹²⁰ Сир. 25. 27.

¹²¹ Суд. 5. 8.

¹²² Втор. 30. 3.

и возвышал нищего из брения¹²³. Его почитали как Господа неба и земли, «Шествующего на небесах»¹²⁴, и Он же служил утешением тем, кто взывал к Нему из непроглядной тьмы страданий и страха. Творец и опустошитель; муж и жена; царь, пастух, садовник, горшечник, судья: всеми этими и многими другими словами называют Бога Израиля Писания иудеев. «Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога...»¹²⁵ В этих словах, записанных вскоре после того, как в 539 г. до н. э. Кир взял Вавилон, содержится мысль, никогда прежде не находившая столь явного выражения. Бог Израиля, как и Мардук, практически теми же словами, объявляет, что это Он даровал победу персам. Но Мардук, сколько бы его жрецы ни утверждали, что именно он избрал Кира, чтобы тот правил миром, считался лишь одним из бесчисленного множества богов. Боги и богини; божества-воители и божества-ремесленники; божества-громовержцы и божества плодородия: «Вы ничто, и дело ваше ничтожно»¹²⁶. Кир был давно мёртв, храмы Вавилона лежали в развалинах, их идолы валялись в грязи, а иудеи по-прежнему зачитывали у себя в синагогах обещания, данные веками ранее персидскому царю, – и знали, что обещания эти сбылись. «Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня, – говорил единственный Бог Израиля Киру, – дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет, кроме Меня; Я Господь, и нет иного»¹²⁷.

Но, хотя во времена римских завоеваний иудеи находили в своих Писаниях доказательства истинности этих слов, в них можно отыскать и отдельные следы более ранних представлений. Монументальное полотно, созданное священнослужителями и переписчиками после разрушения Храма вавилонянами, было составлено из множества древних нитей. Лучшим свидетельством разнообразия источников еврейской Библии является множество упоминаемых в ней имён Бога: Яхве (Сущий), Шаддай (Вседержитель), Эл (Бог). Все иудейские книжники, разумеется, предполагали, что все эти имена всегда относились к одному и тому же божеству; но из ряда намёков вполне можно сделать вывод, что всё обстоит иначе. «Кто, как Ты, Господи, между богами?»¹²⁸ Этот вопрос – эхо далёкого мира, который трудно даже вообразить: мира, в котором Яхве, бог, к которому этот вопрос обращён, считался всего лишь одним из множества богов Израиля. Как же тогда он стал единственным Господом неба и земли, не имеющим себе равных? Такой вопрос составителям Писания, священникам и переписчикам, показался бы немислимо возмутительным. Но несмотря на все старания редакторов, в еврейском Писании сохранились отдельные элементы ранних представлений о Яхве. Застывшие, словно насекомые в янтаре, они намекают на культ, не похожий на практиковавшийся в Храме: культ бога-громовержца, почитавшегося в виде быка, явившегося «с поля Едомского», из земли к югу от Ханаана, и возглавившего собрание богов¹²⁹. «Ибо кто на небесах сравнится с Господом? кто между сынами Божиими уподобится Господу?»¹³⁰

Существование небесной иерархии люди во всём мире воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Как бы иначе Мардук заставил других богов на себя трудиться? И Зевс, сидя на троне на вершине Олимпа, возглавлял божественное собрание. Но у сияния его славы были известные границы. Другие боги Олимпа не были им поглощены. Их атрибуты не становились атрибутами Зевса, а самих их не объявляли в конце концов демонами. С Богом Израиля выходило иначе. Откуда взялись многочисленные сложности и противоречия Его лично-

¹²³ См. 1 Цар. 2. 8. – *Примеч. пер.*

¹²⁴ Пс. 67. 5.

¹²⁵ Ис. 44. 6.

¹²⁶ Там же, 41. 24.

¹²⁷ Там же, 45. 5–6.

¹²⁸ Исх. 15. 11.

¹²⁹ То, что Яхве почитали в виде быка, упоминается в 3 Цар. 12. 28 и Ос. 8. 6. О выходе Яхве из Едома говорится в песни Деворы, гимне, который большинство исследователей считают одним из древнейших фрагментов Библии. – *Примеч. авт.*

¹³⁰ Пс. 88. 7.

сти? Возможно, имело место нечто прямо противоположное тому, о чём сообщают священные книги: процесс, в результате которого Яхве, как ни один из богов, вобрал в себя бесчисленные множества. Характерно, что в первой строке Книги Бытия, где говорится, как Бог создал небо и землю, Он назван еврейским словом Elohîm. Значение его двусмысленно: в иудейском Писании оно постоянно употребляется как существительное в единственном числе, но его окончание соответствует множественному. «Бог» был когда-то «богами».

Возможность того, что евреи не только не вторглись в Ханаан, уничтожая на своём пути статуи и капища, а сами некогда следовали обычаям своих соседей и вообще были от них практически неотличимы, иудейское писание подчёркнуто, даже воинственно, отвергает¹³¹. Быть может, это отрицание чересчур нарочитое? Имело ли место в принципе завоевание Ханаана? В еврейских летописях, описывающих ряд блистательных побед военачальника Иисуса Навина, говорится о падении городов, которые к моменту предполагаемого еврейского вторжения либо уже давно были покинуты, либо ещё не были основаны. Убеждённость составителей Книги Иисуса Навина в том, что Бог даровал эти земли богоизбранному народу в награду за послушание, была отражением угроз их собственного времени: книга эта писалась, по всей видимости, в тени разрастающегося ассирийского могущества. Но в ней отразилось и кое-что ещё. Настойчивость, с которой в Книге Иисуса Навина утверждается, что евреи пришли в землю Ханаан как завоеватели, намекает, что её авторам не давала покоя мучительная мысль: возможно, когда-то их культ был связан с религией хананеев гораздо сильнее, чем признавали иудейские книжники? Может быть, обычаи, которые они отрицали как чудовищные нововведения – поклонение другим богам, кормление мёртвых, принесение в жертву детей, – были, наоборот, древнейшими традициями, по сравнению с которыми их развивающаяся религия была чем-то принципиально новым?

---

¹³¹ Характерно, что автор Книг Паралипоменон, истории Израиля, написанной в IV в. до н. э., не описывает завоевание евреями Ханаана. «Присутствие евреев на этой земле и их право на неё подаётся как факт, не вызывающий вопросов». – *Примеч. авт.*; см.: Satlow, Michael L.: *How the Bible Became Holy* (New Haven, 2014) – p. 93.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.